

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

- Е. Е. АМПЛЕЕВА заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры РФ, кандидат юридических наук, доцент
- О. В. ВЕРБОВАЯ профессор кафедры юриспруденции Алматинского филиала СПбГУП, доктор юридических наук
- Ф. Б. ВЛАСОВ профессор кафедры теоретической экономики и управления персоналом Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева, доктор экономических наук
- В. Г. ГРАФСКИЙ главный научный сотрудник, заведующий сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор
- В. В. ЗЯБРИКОВ доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат экономических наук
- С. Н. КАСАТКИН профессор кафедры теории и истории государства и права Самарского юридического института, кандидат юридических наук
- Г. Б. КЛЕЙНЕР заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН, заведующий кафедрой системного анализа в экономике Финансового университета при Правительстве РФ, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- В. А. КОВАЛЕВ доцент кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, кандидат исторических наук
- Г. В. КОЛОДКО вице-премьер, министр финансов Польши (1994–1997, 2002–2003), директор Исследовательского института Университета Леона Козьминского (Варшава), иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор
- А. В. КУЗЬМИН заведующий кафедрой гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, кандидат юридических наук, доцент
- В. В. ЛАПАЕВА советник Конституционного Суда РФ, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук
- А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета, профессор СПбГУП, доктор юридических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ главный научный сотрудник Института государства и права РАН, академик РАН, доктор юридических наук, профессор
- В. А. МАЛИНОВСКИЙ член Конституционного совета Республики Казахстан (Астана), доктор юридических наук, профессор
- О. В. МАРТЫШИН профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, доктор юридических наук
- А. Д. НЕКИПЕЛОВ директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
- Н. Н. НИКУЛИН профессор Института экономики и управления промышленными предприятиями Национального исследовательского технологического университета «МИСИС», доктор экономических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ
- Л. А. ПАСЕШНИКОВА первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук
- Е. А. ПЕТРОВА доцент кафедры теории и истории государства и права Ивановского государственного университета, кандидат юридических наук
- Р. А. РОМАШОВ профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности СПбГУП, доктор юридических наук, заслуженный деятель науки РФ
- Е. С. САДОВАЯ заведующая отделом Института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, кандидат экономических наук, доцент

Э. Л. САДЫКОВА	профессор кафедры международных отношений, мировой политики и зарубежного регионоведения Казанского федерального государственного университета, доктор политических наук, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан
К. Е. СИГАЛОВ	заместитель директора Института проблем эффективного государства и гражданского общества Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, доцент
М. Г. СМИРНОВА	профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор юридических наук
В. А. ТОКАРЕВ	заведующий кафедрой истории государства и права Самарской государственной областной академии (Наянковой), кандидат юридических наук, доцент
С. Ф. УДАРЦЕВ	директор НИИ правовой политики и конституционного законодательства Казахского гуманитарно-юридического университета (Астана), доктор юридических наук, профессор, почетный юрист Казахстана
Г. Ф. ФЕЙГИН	профессор кафедры экономики и управления СПбГУП, доктор экономических наук
М. М. ХАЙКИН	заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского горного университета, доктор экономических наук, профессор
И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА	профессор кафедры истории и философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор философских наук
И. Л. ЧЕСТНОВ	профессор кафедры теории и истории государства и права Академии Генеральной прокуратуры РФ, доктор юридических наук, заслуженный юрист РФ
В. Л. ЭНТИН	директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности, доцент МГИМО (Университет) МИД России, кандидат юридических наук

Л. А. ПАСЕШНИКОВА¹: — Уважаемые участники XVII Международных Лихачевских научных чтений! Заседание секции «Экономика и право: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего» объявляю открытым. Рада приветствовать всех участников Чтений и благодарю всех гостей, приехавших к нам из разных городов нашей страны и зарубежья. Здесь собрались как постоянные участники Лихачевских чтений, так и новые. Также я приветствую педагогов, профессуру Санкт-Петербурга, преподавателей и студентов нашего Университета. Слово предоставляется руководителям секции.

А. Г. ЛИЦИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Предстоит напряженная дискуссия, потому что желающих выступить много. Хочу обратить внимание на следующий момент: дискуссия представляет интерес тогда, когда обращена не только вовне, но и адресована конкретному человеку. В частности, проблемы, связанные

с развитием экономики, затрагивают жизнь каждого человека на всех уровнях. В праве иная ситуация: речь идет о необходимости модернизации внутреннего или международного правопорядка и механизмов их применения. Изменения во внутреннем праве — процесс, который протекает по определенным правилам, обусловленным государственным устройством и требует времени. Изменение права на международном уровне предполагает согласование воли государств. В России в Законодательном собрании большинство принадлежит правящей партии и законы принимаются быстро. А в других странах, если существует определенный баланс между политическими партиями, достичь соглашения внутри законодательного органа достаточно сложно.

Когда мы рассуждаем об экономике и праве, нужно иметь в виду, что эти две сферы человеческой деятельности, процессы в которых должны протекать совместно, имеют разные темпы развития и формы взаимодействия. Поэтому необходимо проанализировать, как скоро посредством законодательного процесса или международно-правового регулирования может быть реализована идея, носящая оперативный характер. Прошу участников в ходе выступлений учитывать, что мы обращаемся не только к аудитории, присутствующей здесь, но и вовне.

Г. В. КОЛОДКО: — Наша секция посвящена в первую очередь будущему экономики. Экономическое бу-

¹ Первый проректор СПбГУП, куратор юридического факультета, профессор кафедры отраслей права, кандидат юридических наук. Автор более 30 научных публикаций: «Понимание “свободы образования” в контексте национальной правовой культуры современной России», «К вопросу о месте института академической свободы в национальной и международной системе прав человека и гражданина», «Социальное партнерство как предпосылка и условие формирования академической свободы», «Академическая свобода в системе конституционных прав и свобод личности» и др. Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, медалями «За трудовое отличие», «К 300-летию Санкт-Петербурга».

дущее может иметь два сценария развития: то, что обязательно произойдет (не важно, нравится нам это или нет), и то, что может произойти. Последнее зависит от наших научных знаний и воображения, и как раз к сфере возможного относится наиболее интересная часть рассуждений.

В настоящее время возможен коллапс евро, но мы не знаем, произойдет он или нет. Если это случится, то мы ничего не сможем сделать, но должны продумать, как избежать негативных последствий и модифицировать то, что неизбежно. Если говорить о коллапсе доллара, то это невозможно. Поэтому следует говорить о вызовах и противоречиях, которые возникают в экономике в связи с курсом валют, например в экономике США.

В своей книге «Куда идет мир. Политическая экономика будущего» я пишу о том, какие изменения в будущем могут произойти в экономике, как их можно предотвратить и что можно изучать в природе будущего. Мне нравится рассуждать о том, каким может быть будущее и что нужно сделать для того, чтобы оно было лучше. В подобном анализе важен междисциплинарный подход — изучение будущего с точки зрения не только экономики, но и социологии, антропологии. Научный и междисциплинарный подходы дадут возможность противостоять вызовам, которые возможны в будущем, и исследовать любые вопросы, связанные с ним. Преодоление вызовов — основное в нашей научной работе, посвященной изучению экономики будущего.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Профессора А. Г. Лисицын-Светланов и Г. Колодко предварили нашу дискуссию содержательным введением. Действительно, предстоит интересная дискуссия, что естественно для Лихачевских чтений, которые носят междисциплинарный характер. Ввиду того что доклады были опубликованы на сайте и все желающие могли с ними ознакомиться заранее, просьба сконцентрироваться на основных выводах и положениях правового и экономического характера.

Слово предоставляется профессору Владимиру Георгиевичу Графскому.

В. Г. ГРАФСКИЙ: — Основной вывод, сделанный на пленарном заседании, заключается в том, что и в науке, и в жизни возникает много сложных феноменов, которые нужно учитывать.

Тема «Экономика и право», которая была предложена к обсуждению, пока недостаточно разработана. Высказывается предложение о необходимости развития экономического права. Был выдвинут тезис о параллельном исследовании в сферах юридической экономики и экономического права. Но пока все это на декларативном уровне.

На пленарном заседании был сделан вывод, что экономика — это не только производительность труда, объем выпущенной продукции, но и личностные и групповые усилия, позволяющие обеспечить нормальное функционирование хозяйственной системы. Поэтому если считать, что право — это закон, защи-

щающий интересы, то интересы хозяйственного обществения — серьезное дело.

В своем докладе я употребляю выражение «право на достойного человека существование» — это одно из многих прав человека, гражданина, личности. (Я выступаю за то, чтобы включить в категорию прав гражданина и человека права личности на достойное существование.) В принципе человек обладает равными правами на достойное существование. В конце XIX века этой темой — правом на достойное человека существование — заинтересовались Еллинек в Германии и Владимир Соловьев в России. Их трактовки данного понятия несколько различаются. После обсуждения в российском научном обиходе ни та, ни другая конструкция не прижилась. Поэтому одна из ближайших задач — исследовать данное понятие. На пленарном заседании была обозначена проблема, что человек не должен дегуманизироваться и среда его обитания тоже не должна быть безнадежной.

Сложности существовали всегда, но сейчас они возникают даже в научном общении. При поступлении в вуз я считал, что знаю все. На I курсе — что я чего-то не знаю. Но когда заканчивал вуз, у меня сложилось впечатление, что я ничего не знаю. В ходе сегодняшнего обсуждения необходимо помнить о том, что хорошо было сделано 100–200 лет назад.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается советник Конституционного Суда РФ Валентина Викторовна Лапаева.

В. В. ЛАПАЕВА: — На Лихачевских чтениях много говорилось о том, что развитие финансово-экономической глобализации вышло из-под контроля не только национальных государств, но и международных политико-правовых институтов. Это опасный процесс, чреватый эскалацией социальной несправедливости и усилением кризисного характера мировой экономики. Также предлагалось направить эту стихию в правовые рамки.

В настоящее время обсуждаются две модели глобального правового развития и формирования глобального права. Первая — сетевая модель, которая сейчас формируется стихийно. Она основана на свободе договора, саморегулировании, отсутствии внутренней иерархии. Такая модель не предполагает политико-правовых демократических институтов, поскольку акцент делается на саморегулировании рынка. Вторая модель предполагает создание институтов глобальной демократии, которые способны обеспечить права человека и вообще защиту слабой стороны путем взаимосоглашования договора на равных основаниях, то есть путем создания институциональной формы свободы. Чтобы понять механизмы действия этих моделей, нужно вспомнить о логике правового развития. В данном случае уместно вспомнить метафору Бенджамина Франклина: «Демократия — это договор о правилах между хорошо вооруженными джентльменами».

По мере развития демократии в первоначальный договор сильных, то есть в право сильных, включаются новые социальные группы. Это происходит из-за

того, что функцию вооруженных джентльменов берут на себя политические партии, которые заинтересованы в увеличении числа своих сторонников. Конкуренция политических сил решает две важные задачи: с социальной точки зрения она расширяет пространство защищаемых социальных интересов, способствуя таким образом большей социальной справедливости, а с точки зрения экономики ротация партий власти обеспечивает своевременную смену социально-экономической стратегии. Борются главным образом две стратегии — развитие и ограничение конкуренции (которое приводит к монополизации). Таким образом, за счет политической демократии решаются две важные задачи. И если глобальный рынок будет развиваться без инстинкта политической демократии, то в дальнейшем сохранится ситуация, когда богатые богатеют, а бедные беднеют.

Сторонники либерализма без демократии утверждают, что глобальная демократия — утопия, которая не может быть реализована. В свое время кантовский проект вечного мира и союза народов в рамках всемирной федерации казался утопией, но после двух мировых войн человечество идет по этому пути, и другого варианта не существует.

В настоящее время в рамках региональных объединений разрабатываются и апробируются на практике разные модели мировой демократии. Наиболее интересен в этом плане опыт Совета Европы, поскольку он объединяет государства с разной культурной идентичностью. На закончившемся недавно юридическом форуме много говорилось о трудностях, с которыми сталкивается взаимодействие в рамках Совета Европы, и о том, что необходимо наладить двухсторонний процесс движения навстречу друг к другу.

В заключение несколько слов о сути двусторонности. С одной стороны, ядро Совета Европы — Запад — вправе ожидать, что остальные государства будут подтягивать свое правовое регулирование до уровня минимальных стандартов прав человека. С другой стороны, государства вправе ждать, что Запад не будет навязывать в качестве прав человека свои морально-нравственные ценности, потому что моральные ценности, которые сейчас предлагает Запад, — отнюдь не ценности протестантской этики и потребительской аскезы, которыми они когда-то были. Это ценности потребительского общества. На Лихачевских чтениях говорилось о том, что, по сути, это языческие, постхристианские ценности, которые уже не могут претендовать на глобальный уровень. Задача состоит в том, чтобы применительно к каждому из прав человека вычленивать, что является правовым, а не морально-нравственным, то есть что можно характеризовать как ценности, основанные на праве как свободе. Эта задача стоит сегодня перед теорией права и философией права.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово представляется профессору Федору Борисовичу Власову.

Ф. Б. ВЛАСОВ: — Меня больше, чем закономерности развития мировой экономики, интересует эконо-

мика России. По моему мнению, серьезным вызовом, стоящим сегодня перед Россией, является чрезмерное социально-экономическое неравенство в сочетании с технологической отсталостью и низкими темпами экономического роста, а также недостаточная диверсификация экономики. Эти проблемы взаимосвязаны. Основной причиной существующего положения является незаинтересованность наиболее богатых и влиятельных слоев общества в изменении существующего положения, поскольку свои состояния они сколотили в основном на экспорте сырья. Поэтому они не хотят изменений в проводимой социально-экономической политике, а ее целесообразность обосновывается с помощью упрощенных экономико-математических моделей с так называемым репрезентативным экономическим агентом. В этих моделях проблема неравенства обходится, а заодно теряются связанные с ним факторы, препятствующие экономическому росту.

Вообще опора на модели с репрезентативным агентом ведет к тому, что в экономической политике игнорируются многие важные связи и отношения, присутствующие в экономике как целостному организму. Здесь фактически имеет место недостаточная сбалансированность индивидуального и общественного интересов. В частности, существует оптимальный уровень неравенства, при котором экономика функционирует наиболее эффективно. В России, к сожалению, этот оптимальный уровень значительно превышен.

Несколько слов об образе будущего. Социально-экономическая модель будущего прежде всего должна решить проблему неравенства. Совсем избежать неравенства невозможно, но это и не нужно, речь идет о преодолении чрезмерного социально-экономического неравенства. Обычно, когда говорят о преодолении неравенства, имеют в виду распределительные отношения. Но на самом деле здесь возможно двойное решение. Прежде всего необходима широкая диверсификация экономики на основе передовых технологий. Диверсификация такого рода должна дополняться активизацией перераспределительных процессов.

Я не являюсь сторонником тотального огосударствления экономики, но решение задачи по преодолению неравенства возможно только на основе более активного участия государства в регулировании экономики. В частности, чтобы активизировать экономический рост, добиться технического обновления, технологической модернизации, нужны ресурсы.

Многие ждут, когда в Россию хлынут инвестиции из-за рубежа, а между тем в нашей стране имеются огромные ресурсы. О масштабе утечки капитала из России свидетельствуют следующие цифры. До кризиса 2008 года академик Богомолов в одной из своих книг привел данные Ассоциации российских банков, которые согласуются с данными Базельского комитета по банковскому надзору: из России было выведено более 1 трлн долларов, то есть имел место чистый отток капитала (эти ресурсы обеспечили бы перестройку российской экономики). На мой взгляд, если капитал «утекает» из страны, наверное, нужно ввести определенные ограничения на вывоз капитала гражданами России. Это непростая, но вполне решаемая задача.

При этом ограничения должны сочетаться с поощрением прямых зарубежных инвестиций. Открытость страны внешней среде не может ставиться под сомнение в современном мире.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — К микрофону приглашается Елена Сергеевна Садовая.

Е. С. САДОВАЯ: — Выступать на Лихачевских чтениях — для меня большая честь и интеллектуальный вызов. В своем выступлении я хотела бы обратиться прежде всего к молодой аудитории, тем более что разговор идет о будущем. Не хотелось бы, чтобы моя речь воспринималась как алармистский сценарий, все-таки наша задача — говорить о проблемах и вызовах.

Мы переживаем процесс трансформации — осознание этого факта уже стало конвенциональным. Трансформация — перманентный процесс, но сейчас она существенно ускорилась. Возникает ощущение, что точка бифуркации уже очень близка и после ее достижения мир перейдет в новое качество. Встает вопрос о том, что представляет собой новая система мироустройства.

В данном случае можно опираться на идеи Фернана Броделя о «длинном XVI веке» или тезисы академика В. С. Степина, высказанные им на этих Чтениях. С экономической точки зрения эта система базируется на отмене библейского запрета на ссудный процент, что позволило монетизировать время и положило начало научно-техническому прогрессу. Результатом стало углубление разделения труда и рост его производительности, а оборотной стороной — перепроизводство товаров и людей (появилось понятие «лишние люди»).

Капитализм сформировался как открытая система, которая периодически должна была выносить кризисы вовне. Отсюда — процесс модернизации традиционных обществ, во время которого ядро капиталистической системы разрешало противоречия. В настоящее время весь мир охвачен рынком, поэтому «сбрасывать» кризис стало некуда, внешней среды не существует. Сегодня в экономике мы наблюдаем такие процессы, как тотальное снижение эффективности капитала, появление терминов «финансы», «капитализм», разрастание финансового сектора до невероятных размеров и отсутствие капитала в производственной сфере. Но проблема не в том, что финансисты не хотят вкладывать средства в производство, а в том, что сейчас нет отраслей, где формируется потребительский спрос, который мог бы дать толчок развитию экономики.

Еще одна проблема заключается в том (и это хорошо видно по докладам выступающих), что научный язык, который сформировался в эпоху модерна и предлагает рассматривать наше бытие как отдельные сферы: экономику, политику, социальную сферу, уже не актуален. Сейчас, в период трансформации, средств научного языка недостаточно, чтобы описать все происходящее, потому что в социальной реальности, которая нас окружает, не существует отдельной экономики и отдельной политики, а все тесным образом взаимосвязано. Изменения затрагивают все сферы нашей жизни.

Углубление разделения труда ведет к тотальному распространению безлюдных технологий. Последние, в свою очередь, уменьшают спрос на труд, который сокращает потребительский спрос, что ведет к сокращению экономики. Поэтому нет средств на реализацию социальной политики, которая могла бы стать механизмом легитимации власти при таком мироустройстве, которое сегодня завершается. Отсюда — сокращение спроса на демократические институты политической организации общества, к которым мы привыкли. Это объективный процесс, поэтому просто что-то «подремонтировать» не получится.

Важное последствие трансформаций, касающееся социальной сферы, — сокращение средств на социальную политику. В то же время уровень разделения труда, достигнутый обществом, не позволяет человеку существовать иначе, как встроившись в общественное производство. Большое количество людей оказалось за рамками занятости. Возникло понятие безусловного базового дохода, о чем, в частности, говорил М. В. Шмаков. На самом деле это не новое понятие, подобные идеи высказывались в работах членов Римского клуба и сейчас транслируются институтами ООН. Одновременно в разных концах мира — от Африки, Азии до Европы — проводятся эксперименты по внедрению безусловного базового дохода. Люди выступают категорически против этого, например в Швейцарии на референдуме 77 % жителей высказались против его введения.

Обозначу проблемы, которые возникают в связи с внедрением безусловного базового дохода. Прежде всего конец существования эгалитарного общества (узкой прослойки тех, кто владеет технологиями). Изменяются механизмы легитимации власти, наблюдается тотальная подконтрольность человека элитам. Возникает вопрос: кто будет определять размер безусловного базового дохода и сможет гарантировать, что он не исчезнет со временем? На Лихачевских чтениях говорилось о том, что нас в будущем ожидает социалистическое общество — распределительная система, но с жестким тотальным контролем, то есть общество, которое вряд ли нас устроит. Призываю молодежь подумать над тем, в каком обществе она хотела бы жить.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется члену-корреспонденту РАН Георгию Борисовичу Клейнеру.

Г. Б. КЛЕЙНЕР: — Лихачевские чтения являются уникальной площадкой в российской науке, на которой можно поговорить о многом с высоты обобщающих позиций, сочетая юридическую, политическую, экономическую и социологическую компоненты.

Мое выступление касается цикличности, смены господствующих подсистем в мировом обществе. Эпоха стабильности, когда главенствуют организационные (средовые) системы, сменяется институциональной эпохой, когда господствует процесс, потом возникает проектная система, обуславливающая неожиданные явления на разных уровнях мировой системы (вплоть до военных конфликтов, революций и т. д.), а затем мы вновь возвращаемся к эпохе странового домостро-

ительства. Эта избушка имеет четыре стороны, поворачивающиеся к нам своими гранями, — это и есть то пространство, в котором мы живем.

Попробую пролить свет на экономическую теорию. Существует не так много вариантов экономической парадигмы: неоклассическая мейнстримовская теория, в которой господствуют экономические объекты, агенты, взаимодействующие между собой; институциональная теория, в которой приоритет отдается институтам, заполняющим пространство между агентами; эволюционная теория, которая обращает внимание на эволюцию и революцию и связь между ними.

Неоклассическая теория утрачивает свое влияние. Наступает время новой теории, которая должна соединить эти три компонента, стать системой, описывающей мир с его переходами от дома к окрестности, проектам, событиям. Вызов, который стоит перед нами, касается нового взгляда на социально-экономическую структуру мира и ее динамику. Он требует изменения не только экономической теории, но и юридической науки в отражении новой реальности.

Рассмотрим понятие организационно-правовой формы (мы имеем в виду собственность предприятия, формы его управления и т. д.). Форма предприятия является лишь одним из возможных вариантов. Должны быть еще и организационно-правовые формы проекта (который имеет конечный срок существования), процесса (который также имеет конечный срок существования и охватывает неограниченное пространство) и остальных экономических явлений. К сожалению, сейчас юридически оформлена только одна из них — организационно-правовая форма организации. Организация рассчитана на неограниченный срок, никто не знает, когда она перестанет существовать. Новый взгляд требует соответствующих системных сдвигов и в юридической плоскости.

Здесь А. С. Запесоцкий поднял вопрос об экономических измерениях. Они также должны подвергнуться пересмотру. Современные экономические измерения основаны на неоклассической теории, которая уступает место новым экономическим воззрениям. Приведу пример. Мы по традиции считаем, что основным результатом деятельности предприятия, по которому его следует оценивать, является прибыль — разница между тем, что предприятие получает в виде доходов, и его затратами. При надлежащем системном взгляде ценность предприятия состоит не в разнице между ними, а в их сумме. Сумма этих показателей определяет, насколько предприятие вписано в общество (это нужно поставщикам, потребителям, тем, кто работает на данном предприятии).

Таким образом, перед нами стоят три вызова: вызов экономических измерений, экономической теории и социально-экономического взгляда на мир.

Г. В. КОЛОДКО: — Скоро в Гамбурге состоится саммит G20. Нужно посмотреть, какие решения относительно юридических рамок будут приняты по его итогам. Слово предоставляется профессору Илье Львовичу Честнову.

И. Л. ЧЕСТНОВ: — Несколько слов о вызовах, которые преследуют социальную науку в целом и юриспруденцию в частности. Я согласен с предыдущими ораторами, что мир и социальная реальность меняются. В связи с этим возникает вопрос: адекватно ли социальная наука описывает социальную реальность? Традиционный подход предполагает отношение субъекта и объекта (декартовская парадигма), когда ученый описывает то, что наблюдает, составляет это описание с объективными законами и пытается тем самым объяснить происходящее в мире. Такая парадигма существует до сих пор, и я считаю, что не надо от нее отказываться. Но тем не менее в социальном мире, на мой взгляд, не существует причинности в прямом смысле слова и закона в том смысле, в каком он интерпретировался классической наукой.

Дело в том, что социальные явления имманентно мотивированы сознанием и поведением человека. Поэтому внешняя позиция метанаблюдателя, ученого, который описывает, допустим, правовые явления, законодательство, пытаюсь подводить их под общие законы, сохраняет свою значимость и сегодня. Тем не менее, руководствуясь принципом дополнительности, должен быть выработан внутренний подход, который, например, разрабатывает антропология права. Не все согласны с тем, что этот подход имеет право на существование. Однако я считаю, что это новое направление более адекватно описывает реальность с позиции не внешнего наблюдателя, а действующего актора, субъекта, причем субъектом правоотношения всегда является человек, независимо от того, представляет он коллективный субъект или себя лично, то есть физическое лицо.

В связи с этим высказываются возражения по поводу антропологии права и упреки в том, что, например, правообразование выводится из индивидуального правосознания. Так считал в свое время Л. И. Петражицкий, хотя, как показывают исследования этого выдающегося ученого, он в большей степени писал о социологии, чем о психологии. Внешние факторы, которым якобы не уделяется внимания в работах представителей антропологии права, играют существенную роль. Но сами по себе они не могут выступать причинами в силу избирательного, селективного отношения человека к ним.

Например, происходят изменения в политике — эта причина порождает необходимость изменения конституционного законодательства. Мой учитель, профессор Спиридонов называл это селективной функцией правовой культуры. Внешние факторы селекционируются, отбираются не индивидуальным сознанием, а групповым, сознанием правящей элиты, референтной группы. Кроме того, к этому процессу подключаются народные массы, которые либо легитимируют, либо не легитимируют то, что выбирает элита.

Один и тот же внешний фактор, например изменения в политике и экономике, может по-разному трансформироваться при внесении изменений в законодательство. Переход от тоталитарного режима к демократическому предполагает смену формы правления. Однако при этом возможны как минимум четыре варианта формы правления: три республиканские и конституци-

онная монархия. Необходимо выбрать один из них — так проявляется селективная функция правовой культуры. Поэтому внешние факторы интериоризируются в правосознании, затем преломляются в правовой культуре населения (этот важный момент мало исследован в современной науке) и только тогда становятся правом, реальным правом.

Г. В. КОЛОДКО: — К микрофону приглашается профессор Эльмира Леонардовна Садыкова.

Э. Л. САДЫКОВА: — На нынешних Лихачевских чтениях обсуждается важный вопрос о системных сдвигах, вызовах и контурах будущего мира. С этой проблемой непосредственно связана тема моего доклада «Правовые основы этнокультурного развития российского общества».

Сегодня для общественной системы важно, в какой среде она развивается. Это касается и самой социальной системы в целом, и политической, основным звеном которой выступает государство, и правовой системы в частности. В настоящее время, когда среда меняется, ее важной составляющей является этнокультурное, или культурно-цивилизационное, многообразие. Проблемы, связанные с этнокультурным развитием общества, — ключевые для многих государств. Для России, которая имеет уникальный опыт развития государственности в поликультурном, многоконфессиональном обществе, актуальны проблемы национальной безопасности, территориальной целостности и суверенитета.

Я, как юрист и политолог, считаю, что такой важный вопрос, как этнокультурные процессы, должен регулироваться законами. Я выделила несколько нормативных актов, прежде всего ст. 19 Конституции РФ, Федеральный закон «О национально-культурной автономии», принятый в 1996 году (в свое время он сыграл очень важную роль), и закон «О гарантиях прав коренных *малочисленных народов* РФ». За последние несколько лет были приняты законы «О стратегии национальной безопасности РФ», Концепция государственной миграционной политики РФ и федеральная целевая программа «Укрепление *единства* российской нации и *этнокультурное* развитие народов *России*».

В настоящее время, к сожалению, мы не можем использовать европейский опыт, потому что проблема этнокультурного развития, этноса в европейском обществе решается на основе общепризнанных принципов прав человека (индивидуализм, индивидуальный подход). Важно определить понятие «этнос» и его правовое положение исходя из российской правовой культуры.

Мы живем в неоднородном обществе, миграционные процессы достигли таких размеров, что можно говорить о великом переселении народов. Поэтому сегодня нужно обратить особое внимание на правовое регулирование миграционной политики и проблему нелегальной миграции.

Я постоянно провожу эмпирические исследования в процессе социальной коммуникации. Например, во время поездки в такси я спросила у таксиста (таджи-

ка или узбека), почему в Москве в основном представители этих наций работают таксистами. Он ответил, что русский мужик любит выпить, но не любит работать. Этот человек уже 15 лет живет и работает в Москве. Но представители этих национальностей, проживая и работая в российских городах, продолжают существовать группой, кланом, сохраняя свой образ жизни, они не ассимилируются. Поэтому проблема миграции сегодня должна быть урегулирована на высшем уровне. И здесь одни институты гражданского общества не помогут.

Кроме того, необходимо обратить внимание на судебную систему, потому что возникает много проблем, связанных с коррупцией, ростом этнической преступности среди мигрантов, нелегальной миграцией. На мой взгляд, проблема этнокультурного развития включает экономику, социальную, культурную и религиозную составляющие. Считаю, что сегодня проблема этнокультурного многообразия затрагивает существенную часть той среды, в которой развивается правовая система и наше государство.

Г. В. КОЛОДКО: — Приглашаю к микрофону профессора Ирину Георгиевну Хангельдиеву.

И. Г. ХАНГЕЛЬДИЕВА: — Хочу поблагодарить организаторов за сохранение памяти об академике Д. С. Лихачеве.

Тема моего доклада несколько выпадает из общего русла, но она не менее важна, потому что раскрывает связь общечеловеческих ценностей с ментальностью.

Сегодня чрезвычайно важен антропогенный фактор. Экономика, политика, технологии очень быстро меняются, а культура — стабильное начало, то, что обеспечивает устойчивость общества. Но иногда она может тормозить развитие.

Китай, где взаимодействуют культура и экономика, в данной ситуации выступает альтернативой. Там доминируют экономические факторы, обеспечивающие мощное развитие. В Китае проживает 1 млрд 385 тыс. человек. Если эти люди куда-то что-либо вкладывают и чем-то интересуются, то, естественно, динамика будет больше, чем в Европе или другом регионе.

В Китае сформировался класс богатых людей, которые тратят много средств на искусство, но не как коллекционеры, а как инвесторы, думающие о том, что они в конечном счете получат. Количество миллиардеров в Китае значительно превышает количество богатых людей в США. Средний класс в этой стране с 2000 по 2012 год вырос на 64 %. Бурное развитие арт-рынка Китая связано прежде всего с экономическими и ментальными причинами.

Г. В. КОЛОДКО: — Когда мы говорим о будущем, невозможно обойти вниманием Китай. Слово представляется профессору Виктору Александровичу Малиновскому.

В. А. МАЛИНОВСКИЙ: — Я человек новый на Лихачевских чтениях. И прежде всего хочу поблагодарить Оргкомитет за огромную работу, которую он

проделал. Спасибо уважаемой коллеге из Татарстана, которая выступала до меня и актуализировала проблематику, связанную с межэтническими, межкультурными отношениями. Конечно же, и системный подход, и современное состояние, и вызовы, и угрозы, и контуры будущего общества исключительно важны. Неоднократно в разных выступлениях подчеркивалась такая идея, что очень важно слушать и слышать друг друга и из того, о чем говорилось, выносить больше полезного для себя. В процессе диалога нам исключительно важно в этой аудитории делиться практическим опытом — опытом России, Польши, Италии, Казахстана и других государств — и стараться перенимать что-то полезное. И чтобы не получалось так, что миром правят «Восьмерки», «Двадцатки» и иные эксклюзивные клубы, а все остальные как бы за бортом, и их не слышно и не видно.

Я думаю, что в современных тенденциях развития общества как раз важен опыт и наработки многих стран, в том числе и Казахстана. Глубоко убежден, что в настоящее время одной из функций государства является функция консолидации общества, обеспечения нормальной жизнедеятельности как государства в целом, так и каждого индивида в отдельности. И в этом отношении у Казахстана накоплен достаточно серьезный опыт. Мы, юристы, прекрасно знаем о том, что функция — это основное направление деятельности государства, обусловленное разными целями и задачами. Каждая функция имеет правовую, организационную, финансовую, материальную, институциональную и другие составляющие. В течение двух дней Чтений говорилось о ценностях. И я еще раз переосмыслил п. 2 ст. 1 Конституции Казахстана, в котором четко закреплено, что основными принципами деятельности республики являются общественное согласие, политическая стабильность, экономическое развитие на благо каждого, казахстанский патриотизм, решение важнейших вопросов демократическими методами. Что еще нужно? Нужно материально-финансовое обеспечение этой важнейшей деятельности страны в полиэтническом, многоконфессиональном обществе. Финансирование идет через различные каналы, в том числе и за счет бюджета, но это, полагаю, существует в каждом государстве, по крайней мере во многих странах.

Далее, исключительно важно сочетание конституционно-правовой политики и политики в целом. В 1996 году у нас была утверждена Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан. В настоящее время, в 2015 году, была разработана новая концепция единения казахстанского народа. Кроме этого, действует мощнейшая институциональная составляющая в лице Ассамблеи народа Казахстана. Опять же много говорилось о том, как должно меняться государство, какие у него функции, структуры, как оно должно быть связано с обществом. Ассамблея народа Казахстана как раз и представляет собой уникальный институт, в котором политологи в первую очередь выделяют то, что он: а) возглавляется президентом, главой государства, гарантом прав и свобод человека и гражданина; б) имеет конституционный статус; в) действует на основании закона.

Этот институт позволяет объединить этнокультурные организации, представляющие более 100 этносов Казахстана, уважаемых религиозных деятелей, специалистов, представителей различных государственных органов, руководителей. Обеспечение деятельности Ассамблеи осуществляется секретариатом, который входит в состав администрации президента, соответствующее руководство есть и у региональной ассамблеи — со стороны представителей президента и акиматов. То есть сочетание общественного и государственного начал позволяет установить четкую коммуникационную линию между каждым этносом, каждой религией и вынести на уровень республики их консолидированное мнение. Недавно состоялась 25-я сессия Ассамблеи народа Казахстана, которая собрала более 400 представителей со всех регионов. Это совершенно иной дух, иное состояние по сравнению с чисто государственными органами. Этой практике уделяется большое внимание.

В прошлом году в Тюмени состоялась конференция, посвященная проблематике межэтнического взаимодействия. После моего выступления областное руководство запросило материалы, я отправил все, что касается Ассамблеи, в Тюменскую область. Не так давно приезжали представители во главе с руководителем Федерального агентства по делам национальностей России и с большим вниманием отнеслись к нашему опыту.

Еще раз большое спасибо за прием. Про Алматинский филиал Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов с уверенностью можно сказать, что яблоко от яблони недалеко падает. Сегодня я убедился, что высокие стандарты головного вуза директор филиала Татьяна Леонидовна Баталова полностью реализовывает в Алматы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется профессору Сергею Федоровичу Ударцеву.

С. Ф. УДАРЦЕВ: — Уважаемые коллеги, мне хотелось бы поблагодарить организаторов за столь полезную дискуссионную площадку, как Лихачевские чтения. Тезисы, которые я представил в этом году, касаются зоны преимущественно английского права, которое создается с особым правовым режимом в столице Казахстана на территории Международного финансового центра «Астана». В тезисах характеризуется сегодняшнее видение этого правового режима, который вступит в силу осенью, но фактически уже начал реализовываться. Данная тема затрагивает проблемы правового регулирования в условиях глобализации, когда происходят объективно сложные, разнонаправленные процессы взаимодействия, взаимовлияния и в определенной мере конвергенция правовых систем, в частности англо-американской и континентальной. Именно на этом вопросе мне хотелось бы коротко остановиться с учетом той дискуссии, которая состоялась на пленарном заседании.

Глобализация — это объективный процесс, который происходит и будет происходить, несмотря ни на что. Взаимодействие правовых семей — слож-

ный, неравномерный и противоречивый процесс, решающий немало проблем экономического развития, но в то же время увеличивающий трудности правового развития, поскольку требуется снятие самых разных противоречий, нестыковок. А таких рассогласований существует множество как в технических стандартах, правовых обычаях, структуре и формах нормативно-правовых актов, так и в содержании юридических понятий, терминов правовой культуры. Однако, повторяю, глобализация как процесс сближения правовых систем является объективным процессом.

Можно выделить, в частности, следующие формы мирного, добровольного сближения англо-американской и континентальной правовых семей в условиях развивающейся глобализации. Это унификация отдельных правовых принципов, институтов и норм относительно согласования терминов и понятий разных систем, происходящая под влиянием опыта отдельных стран-лидеров и общих ценностей; своего рода правовая прививка национальной правовой системы, элементов права наиболее успешных стран. Это тенденция частичного или полного отказа от некоторых институтов, например смертной казни, во многих странах из разных правовых семей. Это унификация определенных правовых институтов и норм разных систем под влиянием международного права, особенно наиболее авторитетных международных правовых актов, приобретающих, несмотря на трудности глобализации, все более императивный характер. Разумеется, такая унификация осуществляется не одновременно и с определенными поправками, примером может послужить включение в национальные правовые системы Всеобщей декларации прав человека.

Еще одной формой мирного сближения является формирование смешанной национальной системы права под влиянием исторических особенностей развития страны и геополитического влияния соседних стран, что прослеживается, например, на американском континенте, где эти системы довольно активно взаимодействуют. Добровольное восприятие норм и институтов одной системы другой также происходит посредством широкого распространения международных арбитражных судов с правом согласованного договорного выбора сторонами права любой страны, любой правовой семьи, которое может быть юридическим основанием для рассмотрения дела. Это деятельность международных судов, которые наряду с нормами международного права учитывают и имеющиеся отношения к рассматриваемому делу национального права разных стран, принадлежащих к разным семьям. Принятие страной одной семьи автономного режима правовой системы и опыта страны другой правовой семьи, если она становится частью новой правовой системы конкретной страны при добровольном присоединении или продаже определенной территории, как это было, например, с Луизианой в Соединенных Штатах Америки.

Ну и наконец то, что наблюдается сейчас в Казахстане, — это формирование внутри отдельных стран зон действия права преимущественно одной правовой системы для функционирования международных финансовых институтов, судов, привлечения инвесторов,

развития международного сотрудничества. Это как раз и создается на базе городка международной выставки «ЭКСПО-2017», которая проходит в июне-сентябре 2017 года в Астане. Хотелось бы надеяться, что эксперимент, который Казахстан проводит по созданию зоны английского права с элементами казахстанского, будет успешен, а его опыт будет полезен для других стран, в том числе для стран Евразийского экономического союза.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Это действительно очень интересный опыт, который сейчас формируется в связи с созданием финансового центра в Казахстане. Дальше выступит профессор Николай Николаевич Никулин.

Н. Н. НИКУЛИН: — Мне бы хотелось остановиться на положении, которое было высказано госпожой Е. С. Садовой в обращении к студентам: думайте о том обществе, в котором вы будете жить. Также я хочу обратиться к положению, которое высказал господин Колодко: то, что должно произойти, произойдет независимо от того, хотим мы этого или нет. Когда В. В. Путин победил на выборах, он продекларировал такие строчки Есенина: «Если крикнет рать святая: “Кинь ты Русь, живи в раю”. / Я скажу: “Не надо рая, дайте родину мою!”». Так вот, какую экономику мы хотим построить? Я выступаю на многих конференциях, и нигде не слышал, что мы хотим быть такими же, как Германия, Соединенные Штаты Америки или Китай. Это очень важный момент. Но я хочу остановиться на некоторых факторах, которые определяют: то, что мы имеем сейчас, в значительной степени и будет дальше. Экономика в современных условиях может быть только рыночной, капиталистической. Также на данном этапе она может быть только глобальной, мировой. В хозяйствах, которые не включены в мирохозяйственные экономические отношения, действуют не экономические законы, а в значительной степени субъективный фактор.

Прежде чем говорить о капиталистической экономике, надо определить, что такое капитал. Более взрослые люди знают, что, например, Маркс определял капитал как систему экономических отношений. Капитал бывает производительный, денежный, человеческий. Если какая-то часть институциональной среды отсутствует, то капитала нет. Есть что-то другое, например фонды, но не капитал. То есть, если мы не участвуем в международном разделении труда, не производим товар, то у нас не экономика, а хозяйство. На прошлом заседании я говорил о том, что у нас капиталовооруженность труда в 10 раз ниже, чем в Соединенных Штатах Америки. Много говорилось о Китае, о том, что он сделал рывок. А за счет чего? Сравним долю накопления основного капитала в России и Китае — 20 и 40 % соответственно, это несопоставимые цифры. Что такое накопление капитала? Это означает, что мы вкладываем в завтра, в какой-то степени уменьшая потребление сегодня. Этот момент очень важен. Так что на современном этапе своего развития Россия встала на путь обеспечения хотя бы того уровня потребления, который имеет.

Мы в значительной степени не задумывались о будущем, поэтому то, что мы сегодня имеем, будет и завтра, как бы мы ни желали чего-то другого. Ни на одной конференции, повторяю, не сформулировали, какая будет завтра экономика. Да, сейчас господа Кудрин и Глазьев спорят, куда перенаправлять капиталы, увеличивать денежную массу или нет, но в значительной степени все предопределено. Говорят о том, что надо развивать высокие технологии. А основная доля капиталовложений у нас куда идет? В добывающие отрасли. Поэтому, если мы провозглашаем, что надо развивать высокотехнологичные отрасли, а большая доля капитала и основные фонды более быстрыми темпами растут именно в добывающих отраслях, то ничего другого не будет, будет то, что есть сейчас. Так вот, мне кажется, молодое поколение, к которому здесь обращалась госпожа Садовая, будет строить новую экономическую систему по-другому, более грамотно. После перестройки в 1990-е годы мы решили реализовать идею «все и сразу», не заботясь о накоплении. А вот молодым придется выбирать: вкладывать ли в будущее, жить ли сегодняшним днем, оставляя экономику Российской Федерации в нынешнем состоянии — тогда ее назовут «сидящей на нефтяной игле» или примитивной, как отметил Д. А. Медведев. То есть если мы не изменим соотношение между накоплением и потреблением, ничего в нашей экономике не изменится.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я хотел бы дать слово профессору Оресту Владимировичу Мартышину.

О. В. МАРТЫШИН: — Уважаемые участники, мне хотелось бы коснуться одного бесспорного системного сдвига последних лет и в то же время, как мне кажется, очень серьезного вызова, может быть, даже угрозы. Речь идет об активизации консервативных течений. Сейчас во всем мире говорят о создании своего рода консервативного интернационала. Эти тенденции активно развиваются и в России. И главным представителем этого явления сейчас, как мне кажется, является наша правящая партия, которая избрала в качестве своей идеи и основы консерватизм. Единороссы подробно не объясняют, что они имеют в виду под консерватизмом, не пытаются продемонстрировать его привлекательные стороны, а выдвигают лозунг о защите традиционных ценностей. Жить под девизом «сохраним и приумножим» — замечательно. Но для того чтобы получить критерий для оценки этого выбора, было бы не вредно, по-моему, немного порассуждать о том, что такое консерватизм, исторический и современный, и каковы его родовые свойства. Современный консерватизм возник в конце XIX века как реакция на Великую французскую революцию.

Я позволю себе выделить пять классических принципов консерватизма. Первый принцип: осуждение идеалов свободы, равенства и демократии. Неравенство естественно для человечества. Человечество всегда с охотой подчиняется лучшему, идет за своими вождями, и отсюда, в государственно-правовом плане, симпатии к монархии, авторитаризму, тоталитаризму,

то есть к любым формам личной власти. Второй принцип: вместе с перечисленными выше идеалами отбрасывается идеал социальной справедливости. По мнению Хайека, одного из столпов консерватизма XX века, это бессмысленная категория, это или неразумное, или шарлатанство. Хайек подводит психологическую подоплеку под свою критику идеи социальной справедливости, утверждает, что она возбуждает чувство зависти, самую низменную из человеческих страстей. Итак, консерватизм считает нереальным осуществление принципов справедливости. Мир земной, тварный создан так, что нужно мириться с тем, что пока он существует, будет существовать и несправедливость. Справедливость возможна только в мире ином.

Третий принцип: национализм. Могу сказать, что национализм и консерватизм, пользуясь словами Маяковского, это близнецы-братья, как Ленин и партия. Национализм не следует путать с защитой национальных интересов, патриотизмом, чувством национальной гордости. Национализм начинается тогда, когда нация возводится в фетишизированный объект лояльности, социальный конфликт в рамках нации отрицается и гражданам внушается мысль, что они принадлежат к избранному народу, что создает основу для пренебрежения интересами других народов. Четвертый принцип консерватизма — клерикализм, или, точнее было бы сказать, политическая эксплуатация религиозных чувств, идей, движений и организаций. И наконец, последний, пятый, принцип — нетерпимое отношение к революции как к сугубо отрицательному явлению. В российской традиции последних лет, к примеру в наследии Солженицына, что такое революция? Это выпадение из мировой истории, провал. Именно эта позиция и была провозглашена на научной конференции, посвященной юбилею революции в нашей стране, причем, что характерно, эта конференция проходила не в Академии наук, не в университете, а в Зале собраний храма Христа Спасителя в Москве. Главных ораторов было два: один от церкви — митрополит Иларион и второй от государства — министр культуры Мединский. Что сказал Иларион? Что Россия тысячелетиями развивалась на основе христианских ценностей и могла бы и впредь успешно развиваться эволюционным путем, если бы революционная оппозиция не раскачивала лодку. Вот вам консервативный подход к революции, то есть полное отрицание закономерности революции как одной из форм исторического развития наряду с эволюцией, как явления неизбежного.

Между прочим, не нужно быть сторонником революции для того, чтобы признавать ее закономерность. Здесь можно привести в пример Николая Александровича Бердяева, который, безусловно, не был сторонником революции и вроде бы в какой-то мере выступал защитником того пути, по которому пошла Россия. Он выдвинул три аргумента: во-первых, революция — явление провиденциальное, не заговор, не оппозиция, раскачивающая лодку, а нечто от нас независимое; во-вторых, коммунизм был судьбой России; в-третьих, всякая революция терпит поражение относительно осуществимости тех целей, которые провозглашает.

Вот своеобразная защита революции. Все эти свойства позволяют характеризовать консерватизм как платформу правых сил, привилегированного меньшинства.

В заключение приведу синтез идеологии платформы консерватизма, сделанный не мною, а одним из самых знаменитых русских консерваторов XIX века Константином Леонтьевым. Он утверждал, что консерватизм призывает нас понять научную необходимость новых форм неравенства монархизма, теократии, аристократизма и порабощения. И в связи с этим закончу свое выступление высказыванием еще одного выдающегося человека. Николай Васильевич Лесков как-то заметил, что наш консерватизм сплошь и рядом оборачивается полной косностью. И все это дает основание усомниться в выборе идеологической платформы, который сделала правящая партия. Не следовало бы в богатейшем наследии русской общественной мысли искать только традиционные ценности.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово предоставляется профессору Роману Анатольевичу Ромашову.

Р. А. РОМАШОВ: — Уважаемые коллеги, лейтмотивом нынешних Чтений стала идея о будущем. Причем, если раньше мы обсуждали, какое будущее ожидает цивилизацию и Россию, то сейчас прозвучала альтернатива: есть ли будущее вообще, и если есть, то какое? Причем, когда говорили о будущем, то рассматривали вопросы: есть ли будущее у человеческой цивилизации и есть ли будущее у Российской Федерации как единого государства, нации народов? Если мы говорим о будущем Российской Федерации, то следует учитывать два момента, которые привели к крушению Советского Союза и сохранились в настоящее время; они делают в достаточной степени проблематичными наши прогнозы об общем будущем. Первый — это национальный принцип образования субъектов Федерации, который предполагает возникновение тенденции к национальному сепаратизму и к тому самому пресловутому праву наций на самоопределение, вплоть до выхода из состава государства. Второй — это сведение функциональной модели государства к бюрократической элите, замкнутой на фигуре лидера нации, воспринимаемой в качестве безальтернативного центра публичной власти. Когда мы говорим о безальтернативности власти президента, то, собственно, подразумеваем, что история заканчивается на президенте, как раньше она заканчивалась на генеральном секретаре, императоре и т. д.

Хотелось бы отметить еще один момент, о котором здесь уже говорилось: если мы говорим о будущем, то что является движущей силой истории? Профессор Дуткевич обозначил в качестве новой, или приоритетной, силы страх. Страх обусловлен внутренней разобщенностью государства, недоверием в сфере международного общения. Если мы говорим об отношениях России и Запада, то в настоящий момент действительно существует страх, причем обоюдный, он становится лейтмотивом развития. При этом если мы говорим об этапах формирования этого страха, то следует от-

метить, что предметный страх, который обуславливал противоречия между Российской империей и Западом, был основан на религиозном противопоставлении православия и католицизма. Затем он переходит в не менее предметный страх идеологического характера, когда коммунистическая система боится капиталистической, а в большей степени капитализм боится наступления социализма.

Если же мы говорим о современности, то страх становится беспредметным, постсоветская Россия вобрала в себя западные ценности, приоритеты как в области идеологии и политики права, так и в области экономики. Но, как говорила коллега, например, Китай копирует чужие ценности, воспринимая их в качестве своих. Россия же копирует ценности Запада, но вместе с тем не воспринимает их в качестве своих, продолжая рассматривать Запад как враждебный объект. В данном случае следует отметить, что Россия никогда не станет западным государством, и Запад никогда не будет воспринимать Россию в качестве элемента западной правовой культуры. Если мы рассматриваем будущее истории в качестве некоей обозримой перспективы, то следует отметить, что далеко не всякие несопоставимые культуры являются враждебными. В том случае, если мы к этому простому выводу не придем, то Часы Судного дня в Чикагском университете, о которых образно говорил академик Гусейнов, пробьют полночь, а до нее осталось, согласно мнению экспертов, две с половиной минуты. К сожалению, такая вероятность будущего без будущего в сегодняшнем настоящем становится все более реальной.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — На правах ведущего я хотел бы сказать несколько слов. Прежде всего хотелось бы отметить оптимизм выступающих относительно будущего, я имею в виду и вопросы, связанные с глобализацией, и вопросы, связанные с наступающей социально-экономической эрой. На пленарном заседании пессимизма было значительно больше.

Вместе с тем я хотел бы обратить внимание на два момента, которые, может быть, покажутся провокационными, но, думаю, будут полезны для нашей дискуссии. Первое: пока в выступлениях мы не услышали рецептов по преодолению объективных проблем, связанных с кризисом глобализации, о которых мы говорили в первый день Чтений. И второе: когда мы говорим о социальных вопросах, социальной справедливости, социальном будущем, то чаще обращаемся, естественно, к нашему, российскому опыту. Но дело в том, что XX век был веком революции не только в России. Я хотел бы напомнить, что в результате революции распалась Австро-Венгерская империя, и в настоящее время герб Австрии — это орел, который держит в лапах серп, молот и разорванные цепи. Я хотел бы напомнить также, что вскоре после нашей революции произошла революция в Германии, когда были провозглашены демократические ценности, в частности социальное равенство, и т. д. А что произошло в Европе спустя лет этак 15, мы тоже знаем. Поэтому вопросы, связанные с тем, что делать, какой опыт перенять, на каких ошибках учиться, тоже нужно иметь в виду. Может быть, мы

обсудим этот аспект, учитывая события XX века, которые произошли, никуда не делись, они имеют свои аналогии и в наши дни.

А теперь я хотел бы предоставить слово кандидату юридических наук Василию Алексеевичу Токареву.

В. А. ТОКАРЕВ: — Уважаемые коллеги, хотелось бы поговорить с вами одновременно и о пессимизме, прозвучавшем на пленарном заседании, и об оптимизме, но это чуть позже. Я хотел бы вернуться к пленарному заседанию и выделить три, на мой взгляд, ключевых слова, которые лично мне запомнились, — это Маркс, фейк и страх.

Сначала о Марксе. Действительно, Маркса нам здесь не хватало и не хватает. Но если обратиться к марксизму, то в работах Маркса есть одно очень точное и, на мой взгляд, до сих пор не проанализированное в должной мере слово «отчуждение». В современных университетах за рубежом Маркса изучают не только экономисты, но и юристы. И в одной из своих ранних работ по еврейскому вопросу он как раз и поднял проблему отчуждения. Экономисты знают, о чем идет речь, — отчуждение от результатов своего труда. А что такое отчуждение у юристов? По Марксу, оно должно пониматься как отчуждение человека от прав, в том числе и от экономических. Существуют декларации, конвенции, конституции, где определены права и свободы. Но мои ли это права и свободы? Ощущаю ли я их своими? И Маркс приводит пример: право частной собственности. «Чье это право? — спрашивает Маркс. — У кого оно — у обладателя частной собственности или у самой частной собственности, которая поработила своего обладателя?» Я подчинен этой собственности; у меня есть машина, и я ее обслуживаю; я каждый день думаю, как мне сделать лучше для моей машины. Кто же в итоге собственник, у кого право — у машины или у автовладельца? Так что термин «отчуждение» общий и для экономистов, и для юристов, и он может стать предметом для наших совместных дискуссий.

Второй термин — фейк. Действительно, мы стали свидетелями победы на двух выборах — американских и французских — неожиданных кандидатов. Но так ли они были неожиданны на самом деле? Когда в 1960-х годах американские юристы обратились к экономическому анализу права и предложили критерий для этого анализа, они поставили два основных вопроса: как правовые стимулы влияют на поведение экономических акторов и каковы последствия этого влияния? Соответственно в школах экономического анализа права возникли два направления: первое изучает влияние правовых стимулов как таковых на поведение людей, а второе — последствия этого влияния. Но тогда возникает следующий вопрос: как нам оценить последствия, и вообще поддаются ли они оценке? Здесь был введен критерий — социальная желательность, насколько социально желательны последствия влияния правовых стимулов на экономику. И еще один вопрос, вытекающий отсюда: а поддается ли вообще экономическая структура постиндустриального общества оценке с точки зрения социальной желательности?

Буквально несколько недель назад я был во Франции, где проходили выборы, и общался с французскими коллегами. Я задал вопрос: «Почему вы против Макрона?», они ответили: «Он либерал». «Замечательно. А какая-то рациональная причина есть?» — «Да, он собирается изменить социальное законодательство. Сейчас во Франции на пенсию выходят одни в одно время, другие — в другое, например железнодорожники раньше, потому что у них более тяжелые условия труда. Макрон хочет, чтобы все уходило на пенсию в одно время, считает, что не надо давать привилегий и делать исключения в законодательстве по соображениям. Это несправедливо, поэтому мы не будем за него голосовать». Где критерий социальной желательности реформ, которые проводятся через право в экономической и социально-экономической сферах общественной жизни? И насколько мы можем прогнозировать эти реформы? Основоположники экономической теории, экономического анализа права были уверены, что поведение экономических акторов, то есть участников экономических отношений, рационально и всегда прогнозируемо, как и поведение других акторов в других сферах. Но это оказалось не так. В частности, они действуют иррационально и непредсказуемо.

И, наконец, страх. Его мы часто воспринимаем как боязнь каких-то внешних влияний, факторов. Но возможны страхи перед внутренними изменениями. И юристы, и экономисты, которые сидят в этом зале, должны понимать, что преодоление страха — это преодоление боязни не только перед внешними факторами, например терроризмом, но и внутри своей системы. Если вы хотите что-то изменить — надо действовать.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я предоставляю слово кандидату юридических наук Владимиру Львовичу Энтину.

В. Л. ЭНТИН: — Уважаемые коллеги, здесь прозвучало много всего интересного. Сначала хотелось бы отреагировать на последнее выступление. Был использован термин «отчуждение». Отчуждение в юридическом смысле, в смысле науки гражданского права означает переход права владения или права собственности от одного субъекта к другому. В ч. 4 Гражданского кодекса РФ этому термину было придано специфическое значение: речь идет об отчуждении исключительного права на использование объектов интеллектуальной собственности, то есть результатов интеллектуальной деятельности, в полном объеме. Это сугубо российское явление и представление об отчуждении. Ни в одной другой юрисдикции мира такого понимания в этот термин не вкладывается. Но когда говорят о глобализации, об определенном доминировании финансовых соображений над всеми прочими, отрыве финансовых институтов от материальных объектов, следует иметь в виду, что на самом деле речь идет об увеличении оборота главным образом прав требования. А если мы говорим о правах требования, структурированных совершенно по-разному, то за ними должна стоять определенная сила, обеспечивая их инфорсмент или принудительное обеспечение. В этом случае мы уже будем гово-

речь о том, что за ними должна стоять сила либо государства, либо объединения государств.

И здесь, думаю, будет уместно сказать несколько слов по поводу репутации государств в международном праве. Казалось бы, вещь достаточно абстрактная и оторванная от юридической проблематики. Мы сейчас находимся в состоянии информационного шума, где все информационные потоки максимально институализированы, отсюда попытка поиска неформальных инструментов общения в обход государств и правительств. В свое время большевики пытались таким образом общаться с пролетариями всех стран. Но я хотел бы обратить внимание на совершенно другой аспект. Через репутацию государств как бы передается авторитет тем или иным правам и требованиям. Мы всегда полагаем, что под репутацией понимается нечто, понятное нам. Мы мыслим в терминах нашей Конституции, к примеру, в ст. 23 сказано, что честь, достоинство и деловая репутация присущи каждому человеку, в отношении юридических лиц речь может идти только о деловой репутации, а в отношении государств нет понимания равенства, тут неравенство государств заложено в самой структуре международных отношений, как и такое понятие, как отрицательное понимание государств. Ведь применение термина международного общения “failed state”, или «несостоявшееся государство», или «государство, которое не в состоянии обеспечить суверенитет на своей территории», приводит к тому, что рейтинг этого государства на международной арене падает.

И еще одно. Все говорили о том, что есть несколько валют, обеспечивающих функционирование глобализации, системы. Но даже эти валюты находятся в состоянии постоянной волатильности, поэтому здесь не хватает одной только репутации государств, за ней следуют репутации интеграционных объединений, международного сообщества, то есть поддержания в определенных рамках тенденций к энтропии.

И последнее соображение — по поводу бюрократии. Бюрократия не сдает своих позиций из-за все возрастающей неэффективности и увеличивающегося количества регламентов и различного рода норм, заполнения всякого рода бланков отчетности. Мы постоянно сталкиваемся с результатами этого творчества. Но если переходить на другой уровень, то уровень международного общения, развитости международного права обеспечивает саму возможность глобализации и поддержание ее существования в приемлемых рамках, удерживающих ее от энтропии.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Дальше выступит профессор Марк Михайлович Хайкин.

М. М. ХАЙКИН: — Прежде всего хочу поблагодарить за возможность уже не первый раз принимать участие в Лихачевских чтениях, для меня это большая честь. Свое выступление я хотел бы условно разделить на две части: первая часть — мировая экономика, национальная экономика, проблемы состояния, возможные перспективы; вторая часть — проблема развития человека. Что касается оценки состояния экономики,

то очень много об этом говорили и сегодня, и на прошлых Чтениях. Экономику — и российскую, и мировую — можно оценивать по-разному, она очень многоаспектна и многоцветна, если можно так сказать. С одной стороны, в результате глобальных процессов развития мирового хозяйства наша экономика, безусловно, включает в себе черты постиндустриальной экономики — это и информационная экономика, и экономика знаний, и сервисная экономика. С другой стороны, и сегодня об этом уже говорили, нашу экономику очень часто называют сырьевой, даже экспортно-сырьевой, в противоположность инновационной и тому подобным. Приведу пример. Как сотрудник Горного университета, с полной уверенностью могу сказать, что и в сырьевом секторе существуют весьма высокотехнологичные проекты. Например, наш партнер, известная во всем мире Научно-производственная корпорация «МеханорбТехника», сейчас работает над проектами «Интеллектуальная скважина» и «Интеллектуальная шахта». Директор корпорации поделился с нами очень оптимистичной идеей, что хватит шахтерам работать под землей, им надо уже, находясь на земле, смотреть, как идет работа внизу.

Я должен сказать, что, к сожалению, на сегодняшний день, и это уже из области, скорее, пессимизма, чем оптимизма, происходит разрушение отраслевой экономики. Сегодня очень много говорили об экономике вообще, о межотраслевых и межпредметных связях, но особенно хорошо это чувствуют работники отраслевых вузов, отраслевых исследовательских структур и т. д. Действительно, сейчас сервисная экономика вследствие общих закономерностей развития постиндустриального общества начинает явно доминировать в процентном соотношении над сферой материального производства. Более того, сфера услуг начинает растворяться в реальном секторе экономики. Я привел пример, когда инженерно-технические работники, служащие, интеллектуальная элита все больше занимаются не реальными активами, а интеллектуальными проектами, работой с информацией, цифровыми технологиями и т. д.

Теперь о концепции развития человека. Сегодня прозвучала прописная истина, что новое — это хорошо забытое старое. Кто является центральной фигурой в любом обществе во все времена? Человек. Иногда приходится слышать или читать высказывания о том, что повышается роль человеческого фактора. У меня сразу возникает вопрос: разве бывали такие времена, 100 или 1000 лет назад, когда роль человека, личности была второстепенной? Нет, человек всегда на первом плане. Другое дело, что концептуально меняются содержание труда, качественные характеристики человеческого капитала, по крайней мере требования к ним. Концепция человеческого капитала была разработана еще Гэри Беккером, а сформулирована Теодором Шульцем в начале 1960-х годов.

Существует много теорий человеческого капитала, но я попробую проиллюстрировать и как-то оосовременить на примере одну из них. Например, есть такая структура человеческого капитала, как капитал здоровья, капитал образования и капитал культуры. Обращаю

ваше внимание — капитал культуры как экономическая категория. Здесь можно долго говорить о том, что сейчас происходит в сфере образования, эта тема особенно болезненна для педагогов и тех, кто связан с образованием. Что касается здравоохранения, то, проанализировав качественные характеристики здоровья населения за последние 15 лет, приходится констатировать, что они ухудшились примерно на 15 %. Но при этом статистика естественного движения населения улучшается, потому что современные достижения в здравоохранении позволяют высокоэффективно лечить и поддерживать ухудшающееся состояние здоровья человека. Это вопрос очень системный, надо разбирать причины и проблемы. Завершить хотелось бы тезисом, с которого я начал: «Все во имя человека, все для блага человека». Это известный коммунистический лозунг, и мы должны об этом помнить и очень трепетно относиться к человеку как к основной производительной силе и главному потребителю в нашем обществе.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Я приглашаю к микрофону профессора Ольгу Викторовну Вербовую.

О. В. ВЕРБОВАЯ: — Уважаемые участники конференции, мы уже третий день рассматриваем актуальнейшие вопросы современности. На панельных дискуссиях мы говорили о существующих вызовах и угрозах, конечно, намечали контуры будущего и ставили перед собой вопросы, что нам нужно сделать, чтобы предотвратить и минимизировать последствия этих вызовов и угроз. Однако на этих слушаниях мы не услышали прямую постановку вопроса о защите прав человека, хотя в контексте выступлений это звучало. На что я хочу здесь обратить внимание? В условиях, когда государствам приходится решать сложнейшие задачи и противодействовать серьезнейшим угрозам — возьмем только одну из них, такую как терроризм, и все его проявления на сегодняшний день, — они вынуждены принимать меры, которые в определенной степени затрагивают права и свободы человека и гражданина, могут ограничивать их на законодательном уровне. И тут, я думаю, очень важным является та грань, за которую государство все-таки не должно выходить именно в аспекте защиты прав человека.

В качестве примера приведу следующее. На сегодняшний день в Казахстане на законодательном уровне решается вопрос об изменении регламента соответствующих сотовых операторов. Речь идет о том, что сотовые операторы будут предоставлять все данные о переписке, телефонных переговорах и тому подобном в рамках, которые на сегодняшний день регламентированы. Так, у простого гражданина невольно возникает вопрос: насколько это затронет его права и интересы? Мы понимаем, что это неизбежно, поскольку государство вынуждено законодательно ограничивать наши права и свободы, иначе оно не сможет справиться с обрушившимися на него бедами. Но, на мой взгляд, даже при сложившихся обстоятельствах ни в коем случае нельзя снижать планку защиты прав и свобод человека и гражданина. Наоборот, мы должны в большей

степени обращать внимание на эти аспекты. Ни одно государство, в котором нарушаются права и свободы человека, не способно долго существовать. Мы видим это на примере стран Ближнего Востока. Это всегда будет вызывать протест со стороны граждан.

Что хотелось бы в этом плане отметить? Что нам нужно делать и как двигаться дальше? На сегодняшний день и в Казахстане, и в России один из основных способов защиты прав и свобод — через суд. Мне кажется, и это сегодня действительно имеет место в обоих наших государствах, что нужно развивать досудебные и внесудебные способы защиты прав и свобод человека и гражданина. В этом плане многое делается, но, тем не менее, проблем меньше не становится. Приведу пример. У граждан есть сомнения и определенное недоверие к институтам внесудебной защиты прав и свобод. Нам нужно повышать уровень доверия, развивать эти институты, и, на мой взгляд, они сегодня уже начали достаточно эффективно функционировать. Это институт медиации и другие институты, которые представляют собой альтернативный способ защиты прав и свобод, а именно внесудебный. И, к сожалению, один из проблемных вопросов, которые здесь возникают, и мы с этим на практике столкнулись, — это вопрос материальный. Допустим, чтобы обратиться в суд, необходимо заплатить определенную пошлину, и чтобы обратиться, допустим, к медиатору, тоже нужно оплатить его услуги. Так что на сегодня финансовый фактор является одним из препятствий, не позволяющих нашим гражданам массово прибегать к альтернативным способам. Я думаю, развитие и пропаганда альтернативных способов защиты прав и свобод человека и гражданина должна быть на сегодняшний день в приоритете в наших государствах.

Я бы хотела обратить внимание еще на один момент. Здесь присутствуют экономисты. Так вот, с позиции экономики сегодня, когда у нас бизнес находится в непростой ситуации, в условиях экономических санкций, конечно, государство делает все для того, чтобы дать предпринимателям свободу действий. В Казахстане снова вводится мораторий на различные проверки бизнеса, также органы прокуратуры теперь не имеют права планировать эти проверки, а могут осуществлять их только по инициативе обратившихся лиц. Но тем не менее это лишь одна сторона — государственная поддержка бизнеса. А я хотела бы поднять вопрос о социальной ответственности бизнеса. Об этом, кстати, говорил и президент Российской Федерации, то есть тема социального предпринимательства, социальной ответственности бизнеса тоже должна на сегодняшний день стать актуальной. Но это не означает, что бизнесу необходимо получать деньги и вкладывать их в какие-то социальные институты. Самое главное, на этом фоне нужно обратить внимание бизнеса, что соблюдать права человека, не допускать нарушения трудовых, социальных прав человека и гражданина, права в экологической сфере гораздо выгоднее, чем их нарушать.

В настоящее время в Казахстане функционирует контактный центр в сфере предпринимательства, куда могут обратиться все желающие за защитой сво-

их прав. Там проводят исследования и пытаются доказать представителям бизнес-сообщества, что соблюдение прав человека гораздо выгоднее, чем нарушение, потому что в последующем наложенные на бизнес штрафы сведут на нет полученную кратковременную выгоду.

Вторым направлением в части защиты прав и свобод граждан, я считаю, должно быть развитие профилактической, предупредительной деятельности, чтобы права человека соблюдались нашими предпринимателями. Эти два направления, думаю, позволят нам не опускаться ниже допустимого уровня поддержки самого человека и гражданина.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Слово берет профессор Сергей Николаевич Касаткин.

С. Н. КАСАТКИН: — Хотел бы выразить благодарность организаторам этого крупнейшего форума. Благодаря их усилиям здесь стала возможна концентрация разноплановых ученых, которым есть что сказать друг другу и которых полезно и интересно послушать. Приятно, что есть объединение, с одной стороны, экспертов, преподавателей, ученых, с другой — студентов. Скрытая полемика, содержащаяся в прозвучавших докладах, касалась того, за кем будущее, кто будет определять вектор дальнейшего развития. Думаю, что наши совместные усилия станут вкладом в это будущее.

Я, как и многие, ожидал, что участники Чтений расскажут о том, какие действия необходимы, чтобы решить возникшие проблемы — глобальные, региональные и т. д. Боюсь, что у меня в этом плане преобладает пессимизм: полагаю, вряд ли кто-то сможет предложить готовые рецепты. Но мы можем способствовать тому, чтобы решения все же выработывались. Чтобы преодолевать проблемы, необходимо прежде всего их идентифицировать и обсуждать различные мнения.

Мои тезисы касаются глобализации, точнее, тех возможностей, которые она порождает для государства и права, и тем вариациям, которые вытекают из глобализационных процессов, для понимания теории государства и права. И я вынужден констатировать, что обсуждаемые здесь интересные и разноплановые вопросы, имеющие большое юридическое, теоретико-философское, правовое значение, практически не рассматриваются на уровне современной российской теории государства и права. В общем, глобализационные следствия для государства, права и правовых институтов требуют их осмысления со стороны теории государства и права. А это предполагает переосмысление целого ряда ключевых понятий и категорий — государства, права и т. д.

Мы должны различать глобализацию как факт, как теорию и как идеологию. Фактология глобализации и ее объяснения, которые уже даны, безусловно, имеют значение для отечественной теории государства и права. Что же касается идеологии глобализации, то здесь многое зависит от того, из каких ценностных и методологических ориентиров должна исходить теория государства и права. Это самостоятельная проблема, но опять-таки я не думаю, что теория государства

и права не может без нее обойтись, что мы непременно должны основываться на некой ценностно-глобальной точке зрения, либеральной или неолиберальной позиции при рассуждении о праве государства и о мире в целом.

Необходимо переосмыслить целый ряд категорий, связанных с государством, обозначить территорию, которая на протяжении веков признавалась в качестве неотъемлемой, а также по-новому взглянуть на категории гражданства и суверенитета. Правда, сегодня статус территории государства сильно изменился. Те границы, которые разделяли государства, сегодня больше не действуют. Происходящее в отдаленном уголке планеты может иметь значение для всего остального мира, локальный и глобальный уровни тесно связаны, поэтому территория теряет прежнее значение. Появляются новые правовые пространства (например, киберпространство), которые не просто требуют регулирования, но меняют саму возможность юридического регулирования, само проявление статуса субъектов ответственности и т. д. Яркий пример — проблемы Интернета, особенно так называемые кибератаки.

Когда мы говорим о категории суверенитета, то надо помнить, что сегодня, в условиях прозрачности мира, смысл этого понятия изменился. Должны ли мы вообще отказаться от суверенитета? Следует ли рассматривать суверенитет не как нормативную позицию, а как некую фактологию? Думаю, что идея упадка суверенитета все же преувеличена, скорее новая система создает альтернативные критерии дифференциации государств. Какие-то государства имеют «мусорный» рейтинг, другие, наоборот, усиливают свое господство. Технологии создают новые механизмы контроля — внутреннего и внешнего.

И последнее. Здесь говорилось о том, что у России есть миссия — спасение человека. Отлично, замечательная миссия. Только непонятно, какие у современной России есть возможности для того, чтобы ее выполнить. Может, надо начать с себя и беспокоиться хотя бы о сохранении своего населения? Но это предполагает не идеологические теории, а конкретные меры, работающие институты защиты прав человека и просто элементарного уровня жизни. Какие наработки мы имеем для того, чтобы это стало реальностью? А когда мы говорим, что необходим диалог цивилизаций, это часто мыслится как альтернатива западным ценностям. Но существует ли какая-то культурная модель, которую Россия может предложить миру? Да, мы можем усмотреть враждебную позицию Запада в отношении России и ряда других стран. Означает ли это, что мы должны отказаться от тех ценностей, на которых стоит Запад? И что мы можем предложить в качестве альтернативы? На мой взгляд, это очень важный вопрос.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас перед нами выступит профессор Григорий Феликсович Фейгин.

Г. Ф. ФЕЙГИН: — Я хотел бы, как экономист, порассуждать о том, что означает системный кризис, в который, вероятно, погрузилось современное миро-

вое хозяйство. Причем рассмотреть этот вопрос с позиции фундаментальных теоретических аспектов, а также обратиться к статистике. Если мы говорим о том, что имеет место системный кризис, надо прежде всего определить, о какой системе идет речь. Мне ближе всего позиция, что этой системой является глобальный капитализм. Во многих выступлениях, в частности у Владимира Львовича Квинта, прозвучало, что экономическая глобализация, по сути, означает глобальные рынки, включающие как рынки развитых стран, так и формирующиеся. В качестве небольшого эмпирического подтверждения хочу обратить внимание на два общепризнанных ключевых показателя глобализации. Это динамика мирового экспорта и динамика мировых объемов прямых иностранных инвестиций. Что здесь интересно? То, что очень долгое время здесь прослеживалась позитивная динамика, но в последние 5–6 лет наблюдается замедление. Показатели остаются на высоком уровне, но расти перестали. Это касается как прямых иностранных инвестиций, так и мировой торговли. Очевидно, что в основе этого лежит капиталистический характер глобализационных мотивов. Ведь для чего нужен экспорт? Чтобы увеличивать доход. Почему осуществляют прямые иностранные инвестиции? Ищут более выгодный способ производства. Но эти процессы наталкиваются на определенные ограничения. Во-первых, это ограничение по спросу, во-вторых, видимо, современная экономика уже не обладает таким инвестиционным потенциалом, который позволял бы существенно наращивать объемы.

Сегодня в большинстве стран не фиксируется экономический спад, а, напротив, отмечается хотя и небольшой, но все же рост. Поэтому замедление роста показателей экспорта и прямых иностранных инвестиций вызывает тревогу. Складывается ощущение, что глобальный капиталистический порядок в каком-то смысле исчерпал ресурсы, подошел к некоей черте. На чем это основывается? Во-первых, мне кажется, что здесь есть культурно-психологический аспект. Когда возникает новое явление, как, например, глобализация в последние десятилетия, человечество надеется, что оно будет панацеей от всех болезней и откроет двери ко всеобщему процветанию. Но когда выясняется, что это не так, наступает разочарование. На самом деле многие проблемы — конъюнктурные колебания, нестабильность, социальное расслоение — вовсе не изобретение глобализации, они были и раньше, и вообще имманентны капиталистическому порядку. Просто была иллюзия, особенно в 1980–1990-е годы, что все это осталось в прошлом и мир вступил в фазу бескризисного развития. Но система по-прежнему по своей сути капиталистическая, и определения «постиндустриальная», «информационная», применяемые к экономике, хотя и справедливы, но капиталистической сущности не меняют. Поэтому остаются многие проблемы, свойственные капитализму, даже если он достиг более высокой стадии развития.

Но почему речь идет о кризисе? Дело в том, что на первый план вышла проблема социального расслоения. В современной экономической литературе есть понятия поляризации и догоняющего развития. По-

ляризация означает усиление дифференциации, а догоняющее развитие, наоборот, — ослабление. Вообще это сложный вопрос, требующий специальных исследований. По статистике, страны с низким уровнем дохода в принципе растут быстрее, чем страны с высоким уровнем дохода. Вроде бы догоняющее развитие, бедных должно становиться меньше. Но так ли это? Я вспоминаю дискуссию прошлого года. Когда-то Китай в сотни раз отставал от развитых стран по ВВП на душу населения, сейчас этот разрыв сократился до 10–15 раз. Да, он развивается быстро, но еще далек от того, чтобы догнать богатые страны, средний ВВП на душу населения остается низким и все еще миллионы китайцев живут в бедности. Что тогда говорить о других странах, растущих не так стремительно? Оказалось, что глобализация — вовсе не панацея и всеобщего процветания достигнуть не помогает. Отсюда новый всплеск протекционизма, усиление тенденции к локализации.

Рецептом решения современных проблем, думаю, должно стать институциональное взаимодействие. Важно, чтобы институты сотрудничали на всех уровнях — глобальном, региональном, национальном. Надо стараться достичь институциональной гармонии. Это длительный процесс, но он в состоянии стать тем самым ключом к преодолению кризиса.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово имеет профессор Алексей Алексеевич Ливеровский.

А. А. ЛИВЕРОВСКИЙ: — Небольшая ремарка: теоретические исследования нужны не для того, чтобы найти какие-то рецепты, определить новые процедуры или предложить изменения в законодательстве, а в основном для выявления смысла. Обращу ваше внимание на два момента, которые в ходе пленарного заседания были указаны как новые идеи. Об одном феномене уже говорилось — это страх. Правда, его интерпретировали как фактор межгосударственных отношений, а я хотел бы сказать вслед за профессором Ромашовым о внутрисоциальном понятии страха как источника политики. Власти пугают народ, в то же время испытывая свой страх — угрозу потери власти. Потому что свойство власти, как это ни обидно, — приумножиться и продолжиться. Именно для того, чтобы этого не произошло, существуют демократические процедуры, принцип сменяемости и т. д.

По поводу рецептов. Знаете, почему не любят юристов? Потому, что к ним, как и к врачам, обращаются, когда беда уже произошла. Но это не единственная причина. Юристов не любят еще и потому, что «юридическое мышление» соответствует принципам законности. Вообще закон — плохой регулятор общественных отношений. Но есть ли другие? Да, есть, и они давно известны. На них не обращают внимания, потому что власть принимает законы, в том числе и в интересах самосохранения. А другой регулятор общественных отношений — это принцип. Самый простой пример. Возьмем норму, скажем, уголовного кодекса. Это жесткая модель. Если человек совершил убийство, к нему применяют высшую меру наказания. В то же

время мы знаем, что одна из библейских заповедей (которую можно считать принципом) — «не убий». Чем же принципы отличаются от законов? Они лучше описывают те многогранные ситуации, которые возникают в обществе. Закон прямолинеен, в то время как любой принцип следует рассматривать в совокупности с другими, которые, например, составляют 10 заповедей.

Но существует некая модель, которая исходит из естественного права как совокупности принципов. Это то, что сейчас называется конституционной культурой. Конституционная культура возникла очень давно, возможно, раньше, чем государственные объединения. Она подразумевает, что некоторые сообщества живут согласно принципам, например этнорелигиозным.

Я долго работал в Республике Дагестан и видел принятый там уклад. Население, по сути, живет в этнорелигиозных сообществах. Это режимы, которые регулируются принципами, и они имеют этнорелигиозное содержание. Когда я обсуждал этот вопрос с юристами из кавказских республик, они говорили, что там живут не по шариату, а в основном по адату, или так называемому народному исламу. И в заключение напомню о новом явлении, которое академик Степин назвал политическим исламом. Это не тот ислам, который всегда присутствовал в Российской империи. Политический ислам используется властью для того, чтобы решать свои властные вопросы.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Елене Евгеньевне Амплеевой.

Е. Е. АМПЛЕЕВА: — Моя специализация — международное право. В этом словосочетании есть один аспект, который используется или критикуется в зависимости от того, являемся ли мы оптимистами или скептиками в том, что касается современной глобальной системы. Современное человечество шагнуло далеко вперед благодаря опыту решения практически любых проблем современности, тем не менее XXI век ознаменовался всеохватной и комплексной трансформацией глобальной обстановки, когда одновременно идут процессы глобализации и фрагментации, интеграции и дезинтеграции. Это хорошо видно на примере ООН. С одной стороны (вчера это прозвучало на одной из панельных дискуссий), ООН одновременно является прорывом человечества, но с другой — безусловным провалом, так как не способна адекватно ответить на вызовы современности. С учетом этих реалий международное право, хотя и признается как свидетельство и продукт общепланетарного согласия, все больше становится правом Запада, развитие которого, как и в прежние времена, идет по двум основным направлениям — атлантическому, или европейскому, и азиатско-тихоокеанскому. Современный мир, переживший периоды деколонизации, холодной войны, перестройки, перезагрузки международных отношений, по-прежнему ощущает влияние цивилизационных факторов давнего противостояния. В связи с этим интересно, что, например, термин «цивилизация», ко-

торый стал привычным в политологии, является новым в международных отношениях и международном праве, поскольку, если мы будем употреблять в непосредственном, текстуальном смысле, то сразу перенесемся в середину XIX века, когда появилась формулировка «международное право цивилизованных народов». Существовали разные стандарты и критерии цивилизованности, и Россия входила в число цивилизованных, колониальных держав. В то же время деление государств на западные и восточные — это лишь общий контур, в рамках которого выделяется несколько десятков цивилизационных пространств.

Современная международная система состоит из множества подсистем, в каждой из которых глобализация происходит с разной скоростью. Региональная экономическая интеграция — одно из проявлений глобализационных процессов, поскольку в рамках интеграционных образований государства-участники ускоренно и скоординированно создают правовые режимы для обеспечения своих интересов. За последние десятилетия усилиями западных стран и все той же ООН были разработаны и внедрены в международную практику сотни новых норм и принципов — больше, чем за всю предшествующую историю человечества. Неизмеримо медленнее совершенствуются механизмы реализации международно-правовых норм, поскольку эта деятельность осуществляется за счет государства, экономически и технологически зависимых от более развитых. В результате общемировые правовые ценности (среди которых наиболее важные — мир и безопасность) фактически уходят на второй план, а принцип социальной справедливости становится предметом дипломатического торга. Именно поэтому международное право в современных условиях избирательно, неэффективно и используется политиками, когда им это выгодно, либо игнорируется, если вступает в противоречие с их интересами. Таким образом, сегодня международное право как система правовых норм является отражением политической международной системы, находящейся в глубоком кризисе. В этих условиях международное право пытается (пока безуспешно) согласовать интересы субъектов, прежде всего государств-лидеров, а также иных акторов тех или иных цивилизационных пространств, которые обладают соответствующим механизмом реализации права, но внешняя политика которых иногда игнорирует общепринятые нормы и принципы международного права.

Коллеги хорошо сформулировали, что международное право — это прежде всего согласование воли. Если есть стремление, доверие и понимание, то в условиях общей катастрофы человечество объединяется и механизмы международного права начинают действовать эффективно. И напротив, в условиях разобщения, санкций международно-правовые нормы остаются в тени и, если можно так выразиться, ждут своего часа.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Приглашаю к микрофону Владимира Васильевича Зябрикова.

В. В. ЗЯБРИКОВ: — Уважаемые коллеги, я сделаю небольшие обобщения на тему глобальных факторов

устойчивого развития фирмы. Я считаю, что незаслуженно забытым оказывается западный опыт, в частности профессора Рэймонда Мередита Белбина, специалиста в области психологии, который изучает модели менеджмента и роли участников команд в бизнесе.

Если на макроэкономическом уровне рыночная экономика в России построена, то на уровне предприятий пока нет, во многом по причине непонимания ключевых закономерностей. Каких именно?

Существует восемь ролей бизнесменов, которые могут быть четко систематизированы по принципам PEST-анализа. Применяв такой анализ, мы получаем четкую систему, показывающую, какие роли можно реализовать в любой современной фирме.

В стадии «детства» ключевые роли играют «исследователь ресурсов», по сути маркетолог, и «душа команды». Эти две роли могут быть совмещены в одной персоне, и когда фирма начинает свою деятельность, возможен один лидер, который сплачивает коллектив, ищет контракты, реализует все необходимые функции, которые нужны на фирме на этом этапе.

Далее, в стадии «юности», прежние две роли остаются, но акцент делается на другой паре ролей: «председатель» и «организатор». Эти две роли сегодня доминируют в российской экономике, где большинство предприятий находятся в стадии роста, несмотря на внешние трудности.

Четыре указанные роли составляют ядро на российских предприятиях. Мы пока не перешли к инновационной экономике и, вероятно, не перейдем до тех пор, пока «генератор идей», как говорится, находится в загоне, а в продвинутой команде он составляет ядро. «Генератор идей» должен быть дополнен «аналитиком-стратегом». Таких специалистов мы старательно готовим в своем университете, но они далеко не всегда находят место приложения своих сил и умений.

Производственная составляющая в России развита очень слабо, и этой проблемой необходимо заниматься. Если мы хотим перейти в стадию «зрелости», то надо возвращать «генераторов идей», снабжать их «партнерами для бесед», «аналитиками» и «стратегами», и только после этого подбирать председателя. То есть начинать надо с генератора идей, как говорят англичане. Мы же начинаем с председателя, он берет на работу какого-нибудь родственника — «генератора идей», который пишет программы, но этими программами пользоваться невозможно.

В этой модели много интересного, есть масса идей относительно того, кто кого должен дополнять. «Организатор» дополняет «председателя», «генератор идей» образует устойчивую пару с «аналитиком-стратегом», «педант — контролер качества» — с «реализатором». Есть даже варианты совмещения функций в одной персоне. Две роли я уже назвал, еще пара совместимых ролей — «аналитик-стратег» и «педант». Если из восьми ролей, а они составляют устойчивый континуум, две пары совместимы, то оптимальный состав команды — шесть человек. Принцип наибольшего культурного разнообразия предполагает, что все шесть персон реализуют восемь ролей.

Схема, в общем, несложная, и, думаю, она найдет применение, что может уменьшить негативный на-

строй молодежи в виде комплекса неудачника. Я считаю, что рост экономики начнется с подъема российских фирм, а для этого всего лишь надо начать думать, заниматься делом и прилагать все усилия для достижения успеха.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Прекрасный призыв. А сейчас слово имеет профессор Марина Геннадьевна Смирнова.

М. Г. СМИРНОВА: — Моя тема — механизмы выявления социально-экономических притязаний, и вот в каком контексте я хочу ее рассмотреть. Полагаю, что право прежде всего является регулятором общественных отношений, в том числе экономических. Для того чтобы нормально работала экономика и функционировали общественные отношения, чтобы право должным образом выполняло роль регулятора, оно должно быть социально обусловлено. Социальная обусловленность права обеспечивается, с моей точки зрения, теми процедурами, которые законодатель должен ввести, прежде всего на федеральном уровне. Сегодня существуют подзаконные нормативные акты, которые регламентируют данные процессы. Например, такая процедура, как мониторинг правоприменения, введена подзаконным нормативным правовым актом, разработанным Положением проведения мониторинга. Ежегодно исследуются различные сферы правоприменения, даются рекомендации для устранения тех или иных коллизий или пробелов в целях улучшения качества законов.

Что касается экономической сферы, то здесь существует такая процедура, как оценка регулирующего воздействия, введенная в 2012 году. Каждый субъект Российской Федерации должен разработать свой нормативно-правовой акт и проводить оценку регулирующего воздействия проектов нормативно-правовых актов, которые касаются экономической сферы. С моей точки зрения, это очень нужная процедура, она заимствована из опыта развитых стран — Нидерландов, Дании, Великобритании, где оценка регулирующего воздействия действует уже много лет. Но на федеральном уровне отсутствует акт, который бы более детально регламентировал такую оценку и обеспечивал бы влияние оценки на принятый нормативно-правовой акт. Далее оценка регулирующего воздействия должна учитываться в судах, когда они рассматривают вопрос оспаривания нормативно-правовых актов. То есть в настоящее время, с моей точки зрения, надо систематизировать процессы в законотворческой сфере, чтобы повысить социальную обусловленность законов и принять единый правовой акт, который бы регламентировал мониторинг правоприменения, анкетирование, методы прогнозирования и оценки регулирующего воздействия, а также оценки фактического воздействия, которая на сегодняшний день существует только в области экономическо-правовой сферы.

Полагаю, что оценка регулирующего воздействия требуется не только в области экономики, но и во всех других. Необходим диалог так называемого правотворческого органа и населения для того, чтобы обеспечить желательность принимаемых нормативно-правовых

актов. И законы, которые будут приниматься, должны быть ожидаемы.

Конечно, у нас существует масса других процедур. Например, федеральные конституционные законы проходят через процедуру общественного обсуждения, как, например, закон о полиции, закон об образовании и др. Результаты общественного обсуждения были учтены при принятии данных законов. Повторяю, хорошо бы сделать выводы и сформулировать предложения по результатам конференции. Я полагаю, что на федеральном уровне необходимо принять нормативно-правовой акт, который систематизировал бы такую процедуру, как мониторинг правоприменения, и оценку регулирующего воздействия, чтобы они регламентировались не подзаконными нормативно-правовыми актами, а были систематизированы и обязательны для творческой деятельности. Это будет способствовать улучшению качества правового регулирования, в том числе и в экономической сфере. Необходим диалог, чтобы законы не принимались без отрыва от фактических общественных отношений. И, конечно, при этом надо заимствовать передовой опыт тех стран, где эти процедуры развиты в наибольшей степени.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Приглашаю к микрофону Екатерину Алексеевну Петрову.

Е. А. ПЕТРОВА: — Мы уже не первый год на этой площадке обсуждаем проблемы глобализации. Мир меняется сейчас настолько стремительно, что мы не успеваем делать теоретические разработки и давать научное обоснование возникающих проблем. Один из рецептов был предложен коллегой из Польши, который говорил о развитии междисциплинарных исследований. Действительно, в настоящее время междисциплинарные исследования приобретают особую актуальность.

Второй момент, который также упоминался сегодня. Глобализационные процессы можно разделить на два вида: объективные, которые не зависят от нас и происходят, несмотря ни на какие препятствия, и объективно-субъективные, на которые мы хоть немного можем повлиять. Первые очевидны, сама глобализация — это объективный процесс, который мы не можем остановить, так же как информатизацию и развитие телекоммуникационных технологий. Также объективно и очевидно то, что в связи с этим происходят существенные изменения в экономике и праве. Но в наших силах выявить те рамки, которые ограничивают эти трансформации.

Что касается правовых рамок, то я бы обратила внимание на такие из них, как общепризнанные принципы международного права. Здесь уже не раз упоминали международное право, и на пленарном заседании говорили о значении некоторых принципов, которые требуют теоретического обоснования. В частности, К. И. Косачев обратил внимание на две пары принципов, которые, как он подчеркнул, требуют теоретической разработки. Это соотношение принципа самоопределения народов и территориальной целостности, с одной стороны, и соотношение принципа уважения

государственного суверенитета и невмешательство во внутренние дела государства — с другой. Я согласна с самарским коллегой в том, что содержание суверенитета требует определенного изменения, поэтому остановлюсь на первой паре — принципе самоопределения народов и его реализации в рамках территориальной целостности. Действительно, мы можем принять эти принципы, но должны понимать, что содержание их меняется. Если говорить о принципе самоопределения народа, то он изначально касался в первую очередь колониальных народов, за которыми и признавалось право на создание самостоятельного государства. Сегодня же, когда большая часть народов имеют суверенные государства, очевидно, что содержание этого принципа меняется. Народы не лишены права на самоопределение, но они должны самоопределяться в рамках существующего государства. К сожалению, мы видим примеры, как принцип самоопределения нередко используется для обоснования сепаратизма. Поэтому в качестве вывода я хотела бы подчеркнуть, что данный принцип в условиях глобализации должен использоваться не для поддержания и развития сепаратистских движений, а для сохранения национальной идентичности с опорой на собственную культуру, в том числе политическую, экономическую, правовую. В то же время глобализация не должна привести нас к формированию глобальной нации, и этим можно объяснить усиление регионалистских тенденций, которые мы в настоящее время наблюдаем. И в заключение хочу сказать, что мы можем давать рецепты, но было бы хорошо, если бы те субъекты, кому мы их даем, следовали им, а не занимались самолечением.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Слово предоставляется Константину Елизаровичу Сигалову.

К. Е. СИГАЛОВ: — То, что в этот раз юристы и экономисты объединены в рамках одной секции, — интересно и правильно, потому что именно экономические отношения формируют реальное понимание действительности и создают наиболее действенный стимул развития права. Классическое свидетельство тому — второе рождение римского права в эпоху Ренессанса, когда торговые и финансовые отношения заставляли юристов совершенствовать законодательство, а власти предрешающие — соблюдать законы.

Напомню, что еще в Средние века католическая церковь была вынуждена регулировать величину ссудного процента. Я тоже хотел бы остановиться на этом вопросе, тем более что на эту же тему интересно высказался Александр Сергеевич Запесоцкий. Мне приходилось иногда быть свидетелем диалогов Антона Силуанова и Сергея Глазьева, и на одной из последних дискуссий у меня создалось впечатление, что они вот-вот подерутся. Аудитория тоже разделилась полярно. Если бы драка состоялась, я бы в ней участвовал на стороне Глазьева, потому что считаю, что ссудный процент у нас сильно завышен и учетная ставка не соответствует ни реальности, ни мировым тенденциям. В свое время Данте поместил ростовщиков в седьмой круг вместе с сексуальными извращенцами. Когда я го-

ворю банкирам, что они в рай не попадут, а они не верят, то я отсылаю их к классике. Финансовая элита сейчас мнит себя уже даже не олигархами, а аристократами. Уже всем хочется быть банкирами, что проявляется в формах общественного сознания при восприятии действительности.

Но обратимся к тезису Петра Дуткевича, который говорил о том, что именно эти элиты сейчас душат развитие, потому что думают только о своих интересах, а гуманитарная составляющая, забота о людях, остается за пределами их восприятия. Однако именно низкий процент составляет основу роста экономики. Нам говорят, что для экономики выгодно иметь слабый рубль и высокую процентную ставку, но это противоречит здравому смыслу. В тех странах, где низкая ставка рефинансирования, экономика благополучно развивается. В некоторых случаях она вообще отрицательная.

Сейчас я выскажу мысль, которая покажется вам парадоксальной. Все убеждают молодежь, что ваша главная цель — учиться. Но это неправильно. Обучение — не цель, а средство. Главная цель — быть счастливыми, любить, создавать семьи, растить детей. Но для того, чтобы вы могли это делать, надо в первую очередь иметь жилье, которое должно быть доступно за счет ипотеки. Соответственно ипотечные кредиты необходимо выдавать под небольшие проценты. Именно этим должно заниматься государство: создавать такое право, чтобы оно было гуманным и работало на людей.

Мы все время говорим о будущем — о завтрашнем дне России и мира, но каждого из вас волнует собственное будущее. А жизнь и самореализация любого человека во многом зависят от того, насколько гуманно право в стране. Что тут можно сказать? Прежде всего согласиться с тезисом Эвандро Агацци: следует обращаться к тем ценностям, которые созданы в других правовых культурах. Например, в исламских банках ссудный процент запрещен. Вместо этого там создается некая трастовая система, обеспечивается отслеживание того, как расходуются выданные средства, чтобы они не вылетали в трубу. Таким образом и предприятия сохраняют стабильность, и частные лица вынуждены рачительно относиться к деньгам.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Сейчас перед нами выступит Андрей Владимирович Кузьмин.

А. В. КУЗЬМИН: — Кратко выскажусь по некоторым пунктам темы нашей секции.

Сдвиги, о которых мы говорим, на самом деле скорее представляют собой возвращение в первоначальное состояние, когда попытка права определять экономические отношения оказалась не вполне удачной. В итоге пришлось вернуться к тому, что в диалоге права и экономики ведущую роль играет государство, которое определяет и право, и экономику. Экономические отношения регулируются до такой степени, до какой государство считает нужным. Оно же участвует в формировании вызовов, которые прежде всего связаны с возможностью государства участвовать в формиро-

вании мирового правопорядка (это свойство любого государства).

С другой стороны, государство использует определенные средства для того, чтобы выполнять свои функции с минимальными затратами — финансовыми, интеллектуальными, кадровыми и т. д. Что касается участия во внешней политике, то здесь действуют форум-факторы международного права. Речь идет о том, что мы привыкли к стандартам международного права, но стандарты предполагают одностороннее формирование, направленное со стороны государства. Мы считаем, что если есть стандарты, то надо им следовать. На самом деле, если в данном случае употребить технический термин «форум-факторы», то видно, что есть некоторая алгоритмизация общественной жизни, допускающая определенную вариативность. Это как с электронной техникой: есть разные типы компьютеров, разные платы, но какой бы компьютер мы ни взяли, в материнскую плату обязательно вставим видеокарту и процессор, а для сборки возможны варианты. Примерно таким же образом происходит регулирование общественных отношений в праве.

Коллеги привели хороший пример: противоречие принципа самоопределения наций и принципа территориальной целостности. Кто-то использует в качестве форум-фактора один принцип, кто-то другой. В похожих ситуациях можно оперировать разными форум-факторами: в случае с Косово — одним, с Крымом — другим. Проблема здесь не столько в международном праве, сколько в государстве. Международного права, на мой взгляд, не существует, потому что нет основополагающей жесткой силы, которая обеспечивала бы регулирование общественных отношений с помощью принудительных мер.

Что касается внутренних возможностей государства, в том числе диверсификации бюджетных средств для реализации права, то это не что иное, как возможность государства отдавать свои функции и полномочия тем или иным негосударственным структурам. Мы обсуждали этот вопрос с Романом Анатольевичем и пришли к выводу, что это, по сути, приватизация права и правоприменения. Отсутствует ответ на главный вопрос: кому это выгодно и почему саморегулирование, например, и третейское судопроизводство — это хорошо, а все остальное плохо. Государство в данном случае выступает аффилированным субъектом — помощником тех структур, которые осуществляют функции государства и реализуют системный сдвиг от имени гражданского общества. При этом нам кажется, что с гражданским обществом все хорошо. На самом деле государство манипулирует и внешней политикой, и общественными процессами, и полномочиями, которыми оно располагает внутри страны.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Виктор Александрович Ковалев, Вам слово.

В. А. КОВАЛЕВ: — Здесь уже прозвучало много выступлений, поэтому я попытаюсь выступить в роли «сумматора».

Тема нашей секции предполагает определение контуров будущего, но, поскольку я историк, мой профиль скорее прошлое.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — А в прошлом нельзя найти подходящие рецепты?

В. А. КОВАЛЕВ: — Попробую. Коллеги уже цитировали Эвандро Агацци, который считает, что необходимо заимствовать лучшие решения из разных правовых культур. В то же время я, следуя Гилберту Райлу, Сьюзен Лангер и Эрнсту Кассиреру, понимаю культуру как паутину смыслов, в которой находится человек. Этот символ наполняется конкретикой в процессе сочетания двух потоков: с одной стороны, ощущений, с другой — тех смыслов, которые привиты нам культурой. Неоднократно прозвучал тезис о страхе как факторе политики. Может быть, в какой-то степени это задало направление нашим выступлениям. Каждый боится чего-то своего, но людям свойственны и одинаковые страхи, в том числе страх другого, того, чему мы не можем найти соответствие в рамках нашей смысловой культурной символической системы.

Сегодня страх другого постоянно используется политиками в целях манипуляции. Яркими примерами факторов современной политики являются также страх терроризма, страх миграции и др. Однако вот некоторые цифры. Вероятность погибнуть в своей ванной в 250 раз выше, чем стать жертвой террористов. В странах Евросоюза в ходе исследования был, в частности, задан вопрос: «Сколько, по-вашему, мусульман в вашей стране?». И потом ответы сравнивались с реальными данными. В некоторых случаях количество мусульман в представлении людей превышало действительное в тысячи раз. В Польше всего 300 мусульман, то есть примерно 0,01 %, а людям кажется, что их 10 % населения. Во Франции представляется, что 30 %, хотя на самом деле менее 10 %. И так далее. Статистика никого не убеждает, потому что людьми руководит иррациональный страх, непонимание другого.

Еще один тезис. Роман Анатольевич сказал, что несравнимость культур не является препятствием для их мирного сосуществования, если выражаться в советском стиле. Мне же более удачным представляется термин «несоизмеримость». Он используется в теории познания и был введен Томасом Куном применительно к научным теориям. Полагаю, что несоизмеримы могут быть не только теории, но и культуры, в том числе правовые.

В чем смысл несоизмеримости? В том, что одни и те же термины наполняются разным смыслом, то есть инсталлируются на разную паутину смыслов и приобретают разные оттенки. Повторяю, формально термины одни и те же. В связи с этим интересно обратиться к взаимодействию как в целом культуры западного мира, к которому я в каком-то смысле отношу и нашу, к культуре принципиально несоизмеримой, допустим, исламской. И показать, что схожие термины, такие как «государство», «право», «власть»,

приобретают совершенно разное смысловое наполнение. Во многом по этой причине так трудно наладить диалог. Мы часто сталкиваемся с этим, тем более что исламский мир в целях самосохранения выбрал принцип эссенциализма, то есть обращение к своей сущностной культуре. Это тот самый принцип, о котором писал известный американский антрополог Клиффорд Гирц. И это еще более усиливает несоизмеримость.

Однако мы знаем много исторических примеров, когда несоизмеримые культуры успешно делились смыслами, обогащали друг друга. Например, известен интернационал бронзового века, когда культуры обменивались терминами, словами, образами, даже богами. Можно вспомнить Крестовые походы — казалось бы, яркий пример противостояния, но во время них происходил культурный обмен — от социальных институтов, таких как духовно-рыцарские ордена, до бытовых вещей, например использования вилки в качестве столового прибора.

Возможно ли в наши дни заимствование смыслов с приданием им звучания, согласованного со смысловой частью? Например, принципа нелокальности права, который присутствует в исламе? У мусульман шариат начинает действовать там, где есть умма, то есть хотя бы два правоверных. Да, в исламском праве можно найти рецепты для современной ситуации, с учетом разрушения понятия границы в западном праве.

А. Д. НЕКИПЕЛОВ: — Уважаемые коллеги, наша дискуссия близится к завершению. И на пленарном заседании, и здесь, на секции, мы получили подтверждение, что мир вступил в особую стадию, поэтому выбор темы нашей секции был, на мой взгляд, вполне оправдан. Изменения, которые уже очевидны или еще только намечающиеся, касаются самых разных областей, поэтому междисциплинарный подход совершенно уместен.

Многие говорят о том, что не видно света в конце туннеля, что мир охвачен пессимизмом и страхом, и т. д. Но обычно так и бывает, когда происходит что-то новое, не вполне определенное и не осмысленное до конца. Приведу пример из области финансов. На финансовых рынках есть широко используемый показатель — бета-коэффициент, который характеризует динамику доходности актива по сравнению с динамикой рынка в целом. Этот коэффициент очень важен для финансовых инвесторов и формирования портфеля ценных бумаг. Для того чтобы снизить уровень риска при том же уровне доходности, особо перспективными являются активы, стоимость которых меняется в направлении, противоположном динамике рынка. Они позволяют диверсифицировать риски. Какие виды экономической деятельности обладают таким коэффициентом? Немногие. Один из них — консалтинг, потому что когда дела идут хорошо, никто не желает консультироваться. Спрос на консультационные услуги резко возрастает в условиях кризиса.

Аналогия заключается в том, что для нас, ученых, в отличие от простых людей, ситуация, когда множатся проблемы и растет неопределенность, — мощный

интеллектуальный вызов и огромное поле для работы. Думаю, что весь ход нынешних Лихачевских чтений это подтверждает.

А. Г. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ: — Уважаемые коллеги, мне приятно отметить, что мы выслушали очень интересные суждения, аудитория была очень внимательна, и вопросы, которые здесь затрагивались, представляются важными и актуальными. Проблемы побуждают нас активизировать работу, связанную с поиском практических решений, ответов на возникающие вызовы. Тем не менее хотелось бы обратить внимание вот на что. Когда мы говорим об экономике, бизнесе, стране, то часто используем местоимение «мы». Но какой смысл в него вкладывается, кто эти «мы»?

Речь идет о функции государства в экономике, а для нашей страны — это очень важный вопрос. Россия уходила от государственной экономики, не определив четко, какие функции должно выполнять государство именно как государство и когда оно может выступать как хозяйствующий субъект, и мы до сих пор не понимаем, насколько государство — это мы. Ответ на этот вопрос частично содержится в нормативной базе, которая уже существует и будет продолжать развиваться. По-моему, над этой сферой необходимо размышлять и искать практические ре-

шения, когда мы пытаемся определить контуры будущего.

Другая задача может показаться несколько фантастической, но над ней тоже необходимо думать. В 1970-х годах никто и подумать не мог, что Китай будет развиваться такими темпами. Китайская экономика выходит в мировые лидеры, а кто-то считает, что уже вышла. А теперь задачка. Если смотреть с позиции сегодняшнего дня, то почти невероятен быстрый подъем Индии. Однако давайте представим себе, что эта страна повторит или частично повторит «китайский прорыв» в экономике. Индия производит и покупает на внешних рынках очень много оружия. Что будет, если страна, где почти такая же численность населения, как в Китае, сделает резкий рывок? У нее будет экономическая мощь, огромный военный потенциал и соответственно способность отстаивать свои интересы. Как в таком случае дальше будет развиваться глобализация? Если же взять Индию и Китай, то в сумме это три миллиарда человек — фактически полмира. Так что давайте подумаем о перспективах с учетом этих обстоятельств.

Л. А. ПАСЕШНИКОВА: — Уважаемые коллеги, от имени Оргкомитета благодарю всех участников и выражаю уверенность, что в следующий раз наша работа будет проходить с еще большим подъемом и выйдет на еще более высокий уровень.